

ЭЛИЯ ГРИНВУД

ДОРОГАЯ
ЛАВ,

Я
ТЕБЯ
НЕ НАВИЖУ

Если я открою тебе свои тайны,
сможешь ли ты полюбить меня?

Элия Гринвуд
Дорогая Лав, я тебя ненавижу
Серия «Freedom. Сенсационные
любовные романы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69365848

Дорогая Лав, я тебя ненавижу / Элия Гринвуд: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-188768-1

Аннотация

Все началось с анонимного письма...

Письма ненависти, адресованного моей учительнице. Я не хотела, чтобы его кто-нибудь прочитал. Но случайно оставила в одной из библиотечных книг.

Он не должен был найти его. И определенно ему не стоило отвечать.

Теперь мы общаемся через записки и стикеры, которые оставляем внутри книги. Один стикер. Два. Десять. Мы становимся все ближе, узнавая секреты друг друга.

Это была веселая игра, пока я не узнала, с кем переписываюсь...

Ксавье Эмери. Король моего помешанного на баскетболе города, хулиган и парень, в которого мне не стоит влюбляться.

Но у нас есть правила: мы не должны видаться друг с другом и обязаны сохранять содержание записок в тайне от всего мира. Это очень важно. Правда разрушила бы наши жизни.

Меня устраивает эта игра. Даже если мистер Популярность узнает, что переписывается со мной, вряд ли он сможет полюбить меня в ответ...

Содержание

Пролог[1]	7
1	10
2	21
3	31
4	51
5	73
6	93
7	108
8	141
9	150
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Элия Гринвуд Дорогая Лав, я тебя ненавижу

Eliah Greenwood

Dear Love, I Hate You

Copyright © 2021 by Eliah Greenwood

© cover design: ZERO Werbeagentur

© Трофимова К., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Во внутреннем макете использованы иллюстрации:
© GoodGood, fad82, 32 pixels, aksol, Wonder-studio, Qualit Design, Redshinestudio, alya_haciyeva, Fafarumba, Yoko Design, Kibets Olena, artnLera, love pattern / Shutterstock.com

В оформлении переплета использованы иллюстрации:
© anna42f, Vandathai, Hazano Sun, seksan wangkeeree, Bisams / Shutterstock

* * *

*Для всех, у кого есть грязные секреты.
Желаю найти того, кто заслуживает вашего
признания.*

Плейлист

Secrets And Lies – Ruelle

River – Bishop Briggs

I Need You To Hate Me – JC Stewart

Out of My League – Fitz And The Tantrum

A little Bit Yours – JP Saxe

Пролог¹

Дорогая мисс Каллахан!

Ты сволочь.

Я поняла это в тот самый момент, когда вошла в класс в начале выпускного года. Вот. Я это сказала. Ты. Сволочь. Причем не та, которая «на самом деле милая, стоит только получить ее узнать». Ты – олицетворение мерзкого ощущения промокнувших в луже носков.

Не удивлюсь, если ты проводишь вечера, купаясь в адском пламени в попытке придумать новые способы заставить своих учеников страдать. Seriously, что вообще происходит у тебя в голове?

«Двадцать страниц о поэзии? Отличная идея! Дать старшеклассникам менее сорока восьми часов на чтение книги и сдачи работы? Еще лучше!»

Теперь, прежде чем я продолжу свою тираду, я хотела бы извиниться (нет) за любую ошибку, допущенную в этом письме, которые ты никогда не получишь. Сейчас мне не до грамматики.

Понимаешь, я разрываюсь на части, пытаюсь закончить школу, получить унекальную стипендию, чтобы свалить из этого чертового города, где я играю роль водителя для моей

¹ Все ошибки в прологе сделаны намеренно (прим. ред.).

сверходаренной сестры и остаюсь постоянным разочарованием для моей матери.

О, и не забудь про двадцать страниц.

И правда, кому нужен сон?

Конечно, «технически» я сама виновата, что застряла с этой книгой стихов, но откуда, черт возьми, я должна была знать, что в тот единственный раз, когда я заболела и пропустила английский, ты дашь нам возможность выбрать книгу для эссе, которое будет составлять половину оценки в итоговом зачете?

Правда, я бы в любом случае застряла со скучной книгой (у тебя наверняка не было никаких интересных вариантов), но ты не должна была поступать с нами так подло.

Ты вероятно думаешь, что я ненормальная. Клянусь, это не так. На самом деле я вполне порядочная, за исключением тех случаев, когда называю эсенин среднего возраста Сатаной. В свою защиту скажу: мой психотерапевт считает, что записывание чувств поможет мне с ними справиться.

Ну и что с того, что я назвала тя сволочью? Что с того, что я сижу здесь, в библиотеке, трачу время на написание гневного письма учительнице, которая никак не может вспомнить мое имя, когда я уже опаздываю? В любом случае его никто не будет читать.

Я понимаю, это письмо немного сумбурное, так что давай я обобщу.

Дорогая мисс Каллахан,

*Искренне,
От всего сердца,*

*Иди в жопу.
Л.*

1

Авина

– Авина Харпер Д'Амур? – мой шестидесятилетний учитель математики, мистер Лоуэн, пытается перекричать царящий вокруг хаос. Я испытываю жалость к нему – никто и не говорил, что вести уроки посреди бушующей грозы легко.

– Здесь! – кричу я в первый раз.

Второй.

Третий.

Безуспешно.

Минуту спустя мистер Лоуэн замечает меня в толпе – он кивает и подносит список поближе к носу, чтобы отметить мое присутствие. Как я сюда попала, спросите вы? На улицу под проливной дождь? Чтобы отморозить задницу на лужайке перед школой вместе со всеми учениками Истон-Хай?

Не. Имею. Ни. Малейшего. Гребаного. Понятия.

– Ви, слава богу! – дернув за рукав, кто-то поворачивает меня так быстро, что я поскальзываюсь. Мне нужна целая секунда, чтобы восстановить равновесие и сквозь потоки воды узнать мою лучшую подругу Даймонд. Она вымокла до нитки, ее фирменные черные кудри теперь стали прямыми как стрела.

– Я повсюду тебя искала! – восклицает Диа, заключая меня в такие крепкие объятия, что из меня выходит весь воздух. Единственный урок, который мы проводим по отдельности, – математика, и поэтому, естественно, именно в это время нужно было эвакуировать всю школу.

– Что происходит? Учителя ничего нам не говорят, – я

отстраняюсь от нее. – Там правда пожар?

– Наверняка, – пожимает плечами подруга. – Иначе почему сработала сигнализация?

Я легонько киваю ей, одновременно осматривая здание школы Истон-Хай в поисках признаков пожара. Однако не обнаруживаю ни дыма, ни запаха гари – абсолютно *ничего*, что свидетельствовало бы о возгорании.

Где-то вдали гремит гром, и я, вскрикивая, хватаю лучшую подругу за руку как трусиха. Небо – темный, полный облаков кошмар, способ матери-природы сказать нам, что она только начала.

– Думаешь, это просто учебная тревога? – спрашиваю я Диа.

Издевательский смешок удерживает ее от ответа. Повернув головы, мы видим взъерошенного, промокшего насквозь Теодора Кокса. Он предпочитает Тео, и совет: никогда не называйте его полным именем.

Он кусается.

Тео, как и многие его товарищи по баскетбольной команде, – типичный сообразительный популярный засранец. Ну знаете, типа «красивее, чем заслуживает». Он высокий, надменный и понятия не имеет о том, что значит «быть неправым», и, к моему великому сожалению...

Тот, с кем мне приходится общаться ежедневно.

– Ты хочешь поделиться чем-то с классом, Кокс? – вздыхает Диа.

– Ни хрена это не учебная тревога, – усмехается Тео. – У нас уже была одна в этом году. Плюс они не стали бы проводить ее во время этого дерьмового конца света, – парень жестом предлагает осмотреться.

Что я и делаю.

Лужайка перед школой практически переполнена учениками.

Мы все замерзли.

Промокли с головы до ног.

Этот идиот прав.

Они не стали бы устраивать пожарную тревогу в самый разгар апокалипсиса. И, как бы безумно это ни звучало, Теодор Кокс не *совсем* лишен мозгов.

Понимаете, я много лет считала, что у качков интеллект как у половника, и меня вполне устраивало следовать этому стереотипу. А потом моя лучшая подруга влюбилась в одного из крутых ребят...

Финли Ричардс. Звезда баскетбола, печально известный бабник и с недавних пор любимое неверное решение Даймонд. Итог: в этом году мы тусуемся в компании Финна. *Что?* Диа – моя единственная подруга, так что либо так, либо я буду обедать в одиночестве до окончания школы.

Все началось прошлым летом, когда Диа устроилась присматривать за домом Ричардсов. Богатый отец Финна каждое лето проводит в Санта-Монике и не доверяет сыну заботу о доме – я сказала «дом»? Я имела в виду *особняк*.

Золотой мальчик не очень хорошо воспринял отсутствие у отца веры в него и обрушил свой гнев на Диа. Он превратил ее жизнь в ад, перейдя все возможные границы, чтобы вынудить ее уволиться, но она была полна решимости довести дело до конца.

Короче говоря, они ненавидели друг друга.

Пока... их гениталии не прекратили это.

Так начались самые запутанные отношения любви/ненависти, которые когда-либо существовали. Почему? Потому что Диа и Финн не встречаются. *Ну, не совсем.* Они любят говорить, что они «друзья с привилегиями», но любой человек, у которого есть хоть немного мозгов, знает, что это полная чушь. Все, чем занимаются парочки, они делают. Секс, публичные проявления привязанности, исключительные отношения, тошнотворные прозвища.

Список можно продолжать до бесконечности.

До боли очевидно, что они без ума друг от друга, но вы никогда не услышите, чтобы они называли себя парнем и девушкой. И если вы спросите меня, их так называемые «обычные» отношения – это большая, чудовищная катастрофа, которая только и ждет, чтобы случиться.

Две пожарные машины с клеймом *Silver Springs Fire Dept* и одна полицейская въезжают на территорию школы, прежде чем Диа и Тео успевают продолжить спор.

– Как тебе такая тренировка, девочка Финна? – фыркает Тео.

– Заткнись, Кокс, – огрызается Даймонд, сжав в кулаке свои черные вьющиеся волосы, чтобы выжать воду. Ливень сменился мелкой моросью. Давно пора. Не знаю, сколько еще они могли бы продержаться нас под проливным дождем.

– Кстати говоря, где Финн? – Диа встает на цыпочки, рассматривая своего *не-парня*. Он уже должен быть здесь – эти двое словно магниты. К тому же ученикам наверняка потребовалось не более пяти минут, чтобы послушаться учителей и отправиться на поиски своих друзей.

– Откуда мне знать, где твой парень? – растягивая слова, спрашивает Тео, как вдруг раздается звук уведомления его телефона. Он достает его из кармана, и челюсть парня отвисает, когда тот просматривает сообщение на экране. – Да вы, наверное, издеваетесь надо мной.

– Что? – спрашивает Диа.

– Эти сумасшедшие придурки. Они и правда это сделали, – бормочет он, обращаясь скорее к себе, чем к нам.

– О чем ты, черт возьми, говоришь? – наседает Диа.

– О... – Тео замолкает, его взгляд застыл на чем-то вдалеке. И он был такой не один – все ученики замерли. Мы с Диа смотрим в ту же сторону, что и Тео, – в направлении главного входа в школу, а точнее, двух шестифутовых идиотов, которых шериф выводит из здания.

Первый, кого я замечаю, – Финн.

Затем я вижу его.

Ксавье Эмери.

Брат Финна – я бы сказала, его лучший друг, но эти двое практически семья. Ради всего святого, они носят одинаковые цепочки. Ксавье – капитан баскетбольной команды, очень популярный и до боли красивый. Но для меня он – мелкий засранец, который отрезал одну из моих косичек, когда мы были детьми.

Диа теряет самообладание.

– Кокс, да поможет мне Бог, если ты сейчас же не скажешь мне, что происходит, я...

– Остынь, – уступает Тео. – Я слышал, как они говорили о каком-то пранке вчера после тренировки. Подумал, что это просто треп в раздевалке и они несерьезно.

Так вот почему нас эвакуировали?

Звездные игроки баскетбольной команды устроили пранк?

Чего такого они могли натворить, что пришлось включить пожарную сигнализацию и эвакуировать всю школу?

– Что за пранк? – голос Даймонд дрогнул от беспокойства. Тео пожимает плечами.

– Кажется, там было что-то о бомбах-вонючках.

Диа зажмуривается и выпускает долгий, прерывистый вздох. Хуже всего то, что она даже не выглядит удивленной. Финн Ричардс всегда был нарушителем спокойствия.

Импульсивным, безрассудным ребенком, которого, если бы не его богатый папочка, давно исключили бы из школы. Но эй, что тут поделаешь? Истон-Хай нуждается в финанси-

ровании, а Финн, так же как Ксавье, является одним из самых ценных игроков команды, поэтому они закрывают глаза на его поведение.

С объективной точки зрения, Финн – тормоз. Но участие Ксавье не имеет для меня никакого смысла. Чувак и мухи не обидел с начала первого курса, так зачем ему принимать участие в подобном розыгрыше? Не понимаю.

– Подожди, а разве подрыв бомбы-вонючки не является незаконным? – доходит до меня.

– Конечно. Господи, они что, тупые? Это может стоить им остатка сезона, – цокает языком Тео.

Я снова обращаю свое внимание на парней. Финн, кажется, понимает, как сильно он облажался, когда замечает шестьсот учеников, стоящих под дождем. Тем временем весь вид Ксавье говорит о том, что ему плевать.

Абсолютно.

Это видно по его расслабленным плечам, по тому, как его глаза со скукой оглядывают толпу. Даже его походка полна уверенности. Не зная я его лучше, то сказала бы, что Ксавье и Финн поменялись телами в худшем в мире ремейке «Чумовой пятницы».

Офицер полиции отводит директора Эмери в сторону – да, мама Ксавье директор школы. Это может пригодиться ему сейчас. А хотите вишенку на торте? Отец Ксавьера тоже работает в школе Истон – он наш учитель физкультуры. Тот, кого нам нравится ненавидеть.

Я понимаю, Сильвер-Спрингс – маленький городок и все такое, но они могли бы, по крайней мере, попытаться найти работу в других областях.

Коп говорит директору Эмери что-то, чего мы не слышим, на что она отвечает кивком в стиле «делай, что должен». Это сигнал Вселенной обрушить весь Тихий океан нам на головы.

Дождь снова усиливается, и я не могу перестать пялиться, как Тупого и еще Тупее тащат к полицейской машине у входа.

Помните, я говорила, что Ксавье Эмери до боли красив? То, как он выглядит сейчас... Именно это я имела в виду. Даже промокший, собирающийся усадить свою задницу на заднее сиденье полицейской машины, с рубашкой, прилипшей к его твердому, рельефному телу, и светло-каштановыми волосами, с которых на лоб стекала вода, он – влажная мечта каждой девушки, простите за каламбур.

Конечно, этот парень был отморозком, когда исчез из моей жизни в возрасте восьми лет, но я способна оценить голубоглазого Адониса так же, как и любая другая девушка.

– В Сильвер-Спрингс не заскучаешь, да? – замечает Тео, когда Ксавьера и Финна запикивают на заднее сиденье и полицейская машина уезжает на полной скорости. – Блин, надеюсь, это значит, что завтра у нас выходной. Я еще даже не начал работу мисс Каллахан.

Воспоминания обрушиваются на меня.

В этом году я устроилась на работу в школьную библиотеку – которая, забавный факт, также является городской библиотекой Сильвер-Спрингс, – и вчера, перед тем как я пошла забирать свою сестру с урока пения, у меня была смена.

В итоге я написала какое-то глупое письмо своей учительнице английского, чтобы выплеснуть эмоции. А сегодня утром я не смогла найти сборник стихов в своей сумке.

Я же не оставила его там?

Я оставила книгу в библиотеке.

С письмом внутри.

Ради всего святого, Ви, насколько тупой ты можешь быть?

Одно дело – когда у тебя очень плохой день и ты срываешься на своей стервозной учительнице в гневном письме. Другое дело – быть настолько глупой, чтобы забыть письмо в библиотеке, где его кто угодно мог найти.

Я уже вижу это: школа звонит моей маме, чтобы сообщить ей об отстранении от занятий ее наименее любимой дочери за, цитирую, «обвинение учителя в плескании в адском пламени».

Голос отца звучит в голове, прежде чем паника накрывает меня.

Притормози, сделай вдох и найди светлую сторону.

Ну, не так уж и плохо, что я оставила письмо в старой пыльной книге, которую не открывали уже более десяти лет. Скорее всего, к тому времени, когда кто-нибудь его найдет,

я уже уеду в колледж в интересном положении. И даже если его обнаружат – кто сказал, что письмо мое?

Черт, кажется, я упомянула свою музыкально одаренную сестру.

И свою потенциальную стипендию.

Ладно, может быть, они смогли бы связать его со мной, если бы провели расследование. Но этого не произойдет. Я не допущу. Мистер Лоуэн говорит, что нас отпускают по домам, и все мысли о Ксавье Эмери вылетают у меня из головы. Там остается только одна мысль.

Одна миссия.

Один план.

Я должна получить письмо раньше, чем это сделает кто-то другой.

2

Ксавье

– Вы, два говнюка без мозгов, хоть представляете, что вы

только что натворили? – Хэнк, отец Финна, рычит тем низким, тихим голосом, который в десять раз страшнее, чем когда он орет тебе в лицо.

Наверное, прямо сейчас мне следовало бы дрожать от страха, размышляя о своих «незрелых и безрассудных поступках», – слова Хэнка. Еще лучше, если бы я пытался придумать им оправдание, но все, о чем я могу думать, пока человек, которого я считаю своим вторым отцом, допрашивает меня, это...

Черт возьми, это одна здоровенная вена на лбу.

Вена на лбу Хэнка всегда была такой большой?

Он так взбешен, что, кажется, она вот-вот лопнет.

Почему мне хочется, чтобы она лопнула?

Вена, пожалуйста, лопни.

Часть меня надеялась, что шериф Дэниел отвез нас в полицейский участок только для галочки. В конце концов, я много лет наблюдал, как Финн устраивал подобные пранки и ему все сходило с рук. Даже предупреждений не было. Мои надежды развеялись в прах, когда они притащили наши провинившиеся задницы в комнату для допросов и сказали сесть. Потом шериф и отец Финна по очереди орали на нас на протяжении трех часов.

– Ксав? – надавливает Хэнк.

Я отрываюсь от своих мыслей.

– Мм?

– Ты ждешь, пока вырастет трава? Отвечай на чертов во-

прос.

Дерьмо.

Заметка для себя: стоит попробовать слушать, когда люди говорят.

– Я...

Финн вмешивается:

– Нет, конечно, мы не думали, что они собираются эвакуировать школу, пап. Это была всего лишь одна маленькая бомба-вонючка.

Я смотрю в глаза своему лучшему другу.

Финн ухмыляется.

Спасибо за спасение, придурок.

– Ой, ты мне еще заплачь. Эта «одна маленькая бомба-вонючка», – Хэнк пальцами изображает кавычки в воздухе, – воняла так, что твой бедный учитель подумал, будто это какая-то утечка газа. Ты знал, что делал, Финли. Разве ты не понимаешь? Ты в полной заднице. И я не знаю, смогу ли вытащить тебя из нее на этот раз.

Хэнк делает глубокий вдох, чтобы удержать себя в руках.

– Как звучит трехнедельное отстранение, а? Что насчет выпускного года без баскетбола? И бала? Очень надеюсь, что ты туда не собирался, потому что теперь, черт возьми, ты ни за что на свете не пойдешь.

Финн беспомощно захлопнул рот и опустил на свое место. Честно говоря, хотя в классе и пахло так, будто что-то умерло, я не представляю, как наш замещающий учитель мог

спутать «горящий мусор и пердеж» с «газом».

Я сидел в конце класса и запустил бомбу-вонючку, когда учительница вышла ненадолго. Она запаниковала, как только появился запах, и тут же уведомила администрацию школы об «отвратительном, токсичном запахе».

Они включили пожарную сигнализацию и вывели нас из здания в рекордно короткие сроки. Логично, ведь они не могли рисковать безопасностью стольких детей. А если бы это действительно была утечка?

Я до сих пор не могу поверить тому, как быстро нас поймали.

Все благодаря их так называемому «видео».

Это первое, что они сказали, когда пришли вывести меня и Финна из толпы после того, как школа собралась снаружи. Они обезоружили нас словами: *«Не утруждайтесь объяснять, у нас есть видео. Вы попались»*, после чего потащили обратно внутрь, чтобы дожидаться копов.

Понятия не имею, как им удалось снять это в классе, где нет камеры наблюдения, но сейчас не до этого.

– Ты должен научиться думать, прежде чем действовать, сынок. – Хэнк стучит по лбу Финна так, словно проверяет, есть ли там мозг. – Думать, мать твою.

Помню, в детстве я считал Хэнка таким крутым, потому что он матерился. Из-за этого я обращал внимание на его слова. И, поверьте мне, это много значит с учетом того, что я был мелким засранцем с двухсекундной концентрацией вни-

мания. Потом произошел несчастный случай, и он стал ругаться через каждые два слова.

В конце концов выражения потеряли силу.

Но опять же... Я бы тоже ругался, если бы потерял любовь всей своей жизни.

– Что насчет тебя, – Хэнк буравит меня взглядом, – считай, что тебе повезло, ведь ты впервые занимаешься подобным дерьмом. В отличие от кое-кого, – он смотрит на Финна, – ты, скорее всего, закончишь сезон. Может, тебя оставят после уроков на пару недель. И это только потому, что шериф на нашей стороне. Если бы вы, два клоуна, были чьи-то другими детьми, вам прямо сейчас предъявили бы грешные уголовные обвинения, вы это понимаете?

Мы с Финном киваем. Глаза моего лучшего друга полны сожаления. Для него это настоящая пытка. Бал для нас – вся жизнь. И я знаю, как сильно он хотел стать капитаном команды.

Он не улыбался несколько дней, когда им стал я.

Черт, я не могу позволить им сделать это.

– Он не имеет к этому никакого отношения, – пробормотал я.

Сложив руки на груди, Хэнк молчит несколько долгих секунд. Могу лишь сказать, что он ни на йоту мне не поверил, но если у меня есть хоть малейший шанс спасти выпускной год его сына, то он обязан меня выслушать.

Финн вытаращил на меня глаза.

– Ксав, что ты...

– Сын, дай ему сказать, – кивком подбородка Хэнк показывает, чтобы я продолжал.

– Он не участвовал в этом. Это была моя идея. Я принес эту дурацкую штуку в школу. Я запустил ее. Это все я, – вру я.

– Хорошая попытка, но я видел видео. Черт, готов поспорить, что вся ваша школа уже видела его. Ты показал ему бомбу-вонючку в своем рюкзаке за минуту до ее взрыва.

Я проглатываю желание спросить его об этом чертовом видео, на которое они продолжают ссылаться.

Не время, Ксав.

– Точно, это я показал ему бомбу. И что это доказывает? Это еще не значит, что он знал об этом заранее. Или что он был в этом как-то замешан.

В ответ Хэнк начинает расхаживать по комнате, потирая виски, как будто он искренне верит, что это поможет ему лучше соображать. Пять мучительных секунд спустя он говорит следующее:

– Я тебе не верю.

Пришло время моего геройства.

– Ты не такой, Ксав. Ты хороший парень. Я знаю тебя восемнадцать лет, и ты ни разу не пошел на поводу плохих идей моего сына. Так что нет, я не верю, что ты провернул все в одиночку.

Поверженный, я опускаю взгляд на свои ноги.

– Но... – Хэнк удивляет меня, начиная говорить снова. – Если это та версия событий, которой ты хочешь придерживаться. Если ты хочешь взять вину на себя, чтобы спасти своего приятеля, я не буду тебя останавливать.

Я смотрю на Финна краем глаза. На Финна, который впервые в своей жизни не был организатором розыгрыша. Возможно, я солгал, когда сказал, что он не имеет к этому никакого отношения, но другая часть правдива – это была моя идея. Моя. Во всяком случае, я тот, кто уговорил его на это.

– Я не покрываю его. Так все и было.

Я практически вижу, как вся тяжесть мира сваливается с плеч Финна, когда я произношу эти слова.

– Как скажешь, – кивает Хэнк, легкая улыбка тронула его губы.

Я понял его предельно ясно.

Прямо сейчас это было «спасибо».

– Хорошо. Мы передадим информацию в школу, пусть они займутся твоим наказанием. С вами еще хочет поговорить шериф, после чего вы оба сможете уйти. – Хэнк уже было направился к двери, но, не дойдя до выхода, он останавливается и смотрит на меня через плечо: – У меня только один вопрос.

Я жду, когда он задаст мне его.

– Почему сейчас? – спрашивает он.

– Не улавливаете? – отвечаю я.

– С чего вдруг ты так себя ведешь? Это не ты, парень.

Если я скажу тебе, ты больше никогда не будешь смотреть на меня как раньше.

– Нет причины.

– О чем ты только думал? – кричит моя мать, ее голос звучит как скрежет гвоздей по школьной доске.

Заткнись.

Просто заткнись.

– Ксавье Эмери! Я с тобой разговариваю! – визжит она.

Я даже не вздрогнул.

Если она думает, что, назвав «полным именем», сможет заставить меня говорить, то ей придется придумать что-нибудь получше. Я удобнее устраиваюсь на пассажирском кресле, наблюдая в окно машины, как мимо проносится единственный город, который я когда-либо знал.

Эта женщина засыпает меня вопросами с тех пор, как забрала из полицейского участка тридцать минут назад. Я ни разу ей не ответил, и стало более чем очевидно, что «сдаваться» не входит в ее лексикон.

Между нами говоря... она также не знакома с понятием «верность».

– Ксавье, ты меня слышал? – она становится все нетерпеливей.

– Я тебя слышал, – пробурчал я.

Удовлетворенная, она продолжает кричать.

– Ты хоть понимаешь, как тебе повезло, что Хэнк близко дружит с шерифом Дэниелом? Он – единственная причина, и я действительно имею в виду «единственная причина», по которой ты смог сегодня выйти на свободу. Лучшее, что я смогла сделать, это умолять шерифа не предъявлять тебе обвинения.

Я фыркаю от смеха.

Ну, это наверняка был не первый раз на этой неделе, когда ты встала на колени перед другим мужчиной, не так ли, мам?

– Я говорила тебе, что этот Финн оказывает на тебя плохое влияние. Совсем как его старший брат.

Когда мы останавливаемся на красный сигнал светофора, она смотрит на себя в зеркало заднего вида и немного стирает помаду указательным пальцем.

– Мне плевать, как давно вы знакомы. Или что твой отец и его – старые друзья. От этой семьи одни проблемы. Я бы хотела, чтобы вы оба просто порвали связи с этими людьми.

Я так сильно прикусил язык, сдерживая себя, чтобы не ответить ей, что у меня пошла кровь. Металлический привкус наполняет мой рот, и я сжимаю кулаки, пытаюсь не выбить пассажирскую дверь, чтобы выпрыгнуть из машины.

Ты действительно не понимаешь, да?

Я знаю, что ты сделала.

Я знаю все.

Вопрос Хэнка не давал мне покоя с тех пор, как я покинул полицейский участок. *Почему вдруг ты себя так ведешь? Это не ты.* Может быть, подсознательно я убедил себя, что творить дерьмо на работе моей мамы – это лучший способ отомстить ей.

Сделать ей больно за то, что я видел.

Но тогда... Почему я все еще хочу пробить дыру в ее лобовом стекле? Почему я не могу смириться с мыслью, что мне придется посмотреть отцу в глаза? И почему, черт возьми, почему я не могу заставить себя рассказать ему обо всем?

Еще минут пять мама пытается вести светскую беседу, прежде чем понимает намек. Остальная часть поездки домой проходит без происшествий, за исключением того, что на моем телефоне появляется сообщение от Финна как раз в тот момент, когда мы въезжаем на подъездную дорожку.

Финн

Спасибо за то, что ты там сделал, чувак. Я твой должник. О, и просто предупреждаю... Возможно, ты захочешь проверить сторис своей девушки в Snapchat².

² Одна из самых популярных соцсетей в Америке.

3

Авина

Три дня спустя

– Сторис Бри в Snapchat? – смех вырывается из меня, когда я тенью следую за своей лучшей подругой вверх по лестнице, ведущей в ее комнату. – Серьезно?

– Серьезно! – усмехается Диа. – Все только об этом и говорят. Не могу поверить, что ты еще ее не видела.

Даймонд толкает дверь своей маленькой спальни и падает на одноместную кровать, задвинутую в самый угол. Я не смеюсь над ее комнатой, которая когда-то была настоящим чуланом.

Семья Дии состоит из шести человек. Когда они усыновили младшего в прошлом году, у ее родителей не было больше комнат, поэтому им пришлось импровизировать. Через несколько месяцев мы все уедем в колледж, поэтому Диа дала родителям добро на то, чтобы до тех пор поселить ее в этой коробке из-под обуви.

– Пять баксов на то, что Ксавье бросит Бри из-за этого. – Диа хлопает по свободному месту на своей кровати. – Тащи сюда свою задницу.

Скрестив ноги, я послушно усаживаюсь рядом с лучшей подругой, пока она достает свой телефон и открывает галерею.

– Я записала ее историю, прежде чем она исчезла, – объясняет Диа, пролистывая фотографии, на которых она и Финн улыбаются, обнимаются, целуются – имейте в виду, эти двое все еще утверждают, что они просто друзья. Ей нужно вре-

мя, чтобы найти сторис среди всего милого дерьма этой парочки.

– Нашла, – говорит она, открывая видео.

Бриэль Рэндалл – чирлидерша, президент студсовета и опытная дрянная девчонка – появляется на экране, рисуясь с щенячьим фильтром Snapchat. Должно быть, оно было снято, когда учительница вышла. Одной рукой приподнимая свои длинные огненно-рыжие волосы, Бри на камеру вытянула надутые губки в видео с подписью:

#НеМогуКонтролироватьСелфи

Сначала я ничего не замечаю, как, по иронии судьбы, и Бри.

Пока Диа не показывает сторис снова.

И я замечаю их на заднем плане.

Ксавье и Финн.

Совершенно не подозревая о направленном на них телефоне, парни обмениваются понимающими взглядами, когда Ксавье указывает на рюкзак у своих ног и пинает его поближе к Финну, чтобы тот мог заглянуть внутрь.

Они явно что-то замышляют, поэтому неудивительно, что школа сложила два и два меньше чем за десять секунд. Ксавье осматривается по сторонам, чтобы понять, не наблюдает ли кто за ними – видимо, недостаточно тщательно, – и засовывает руку в рюкзак. Видео обрывается как раз в тот момент, когда он достает бомбу-вонючку.

Ага. Этого хватит.

Удачи с доказательством своей невиновности, приятель.

Я знаю, что не должна смеяться над чужими страданиями, но это просто невозможная ирония – Его Величество Ксавье Эмери подставляет свою задницу в социальных сетях собственной девушки.

– И что дальше? Их отстранили? – я сдерживаю усмешку.

– Ты не слышала? – похоже, она в шоке.

Я фыркаю.

– Прости, ты что, не в курсе, с кем разговариваешь?

Диа прекрасно знает, что я не могу следить за школьными сплетнями. Только благодаря ей я остаюсь в курсе происходящего в эти дни.

– Точно, – хихикает она. – Ксавье взял вину на себя. Клялся, что Финн не имеет к этому никакого отношения. Во всяком случае, такова официальная версия.

– Он это сделал? Почему? – я не могу скрыть своего удивления.

– Думаю, чтобы спасти своего приятеля, – пожимает плечами она. – Финн сказал, что его собирались исключить из команды, поэтому вмешался Ксав. Это так на него похоже.

Я удерживаюсь от того, чтобы сказать ей, что я на самом деле думаю о мистере Славном Парне. Как будто вся школа – да что там, весь город – разделяет неугасающую страсть к лизанию задницы Ксавье Эмери.

Это вполне понятно.

Они не знают его так, как я.

Насколько можно судить, Ксавье – отличный, надежный парень. Он верен своей девушке, проявляет столько же таланта на корте, сколько и в классе, не создает проблем – ну, до сих пор.

Ксавье проводит все свое время с Финном и Тео, последние двое переспали практически со всем составом группы поддержки, и все же... Ксавье уже больше года состоит в серьезных отношениях с Бри.

Все знают, что Финн и Тео обожают это дерьмо: вечеринки, целый город, следящий за каждой игрой, как за святыней, фанатки. В защиту девушек скажу, что Сильвер-Спрингс, находящийся в Северной Каролине, совсем не «центр горячих парней» – обратная сторона жизни в городе с населением 5658 человек. Если вам когда-нибудь посчастливится увидеть прекрасный экземпляр, бродящий на свободе, можете поспорить на свою задницу, что двадцать других девушек тоже видели его.

Но Ксавье?

На самом деле он кажется немного... скучающим. Скучающим из-за легких побед, послематчевых вечеринок, хлопающих ресницами девушек. Для всего мира Финн – это спортсмен, который ударил ребенка в коридоре, а Ксавье – спортсмен, который помог малышу подняться на ноги.

Но я на это не куплюсь.

Ни на секунду.

То, что Ксавье чуть менее ужасен, чем остальные его дру-

зья, не делает его святым. На самом деле, должно быть, я знаю не того же парня, что и весь остальной мир. Для меня Ксавье Эмери всегда был не чем иным, как королевской задницей. Конечно, нам было восемь лет, когда мы общались в последний раз, но какая разница.

Финн, Ксавье и я были своего рода друзьями, когда нам было восемь. Мы собирались у Финна дома каждое воскресное утро во время уроков пения моей сестры, ели поздний завтрак, бесили друг друга до чертиков, пока наши мамы сплетничали.

И под «бесили друг друга до чертиков» я имею в виду, что Ксавье и Финн раздражали меня. RIP всем Барби, которых они зажарили на барбекю тем летом.

Конечно, это было тогда, когда наши мамы еще могли терпеть друг друга. Оказалось, что единственное, что объединяло мою маму и Делайлу Эмери, маму Ксавьера, – это их дружба с Норой Ричардс. Поэтому, когда мама Финна трагически погибла в результате несчастного случая на лодке тем летом, троица распалась.

Затем все изменилось.

Больше не было ни поздних завтраков, ни игр, ни страданий от рук злых мальчишек. Потом Ксавье и Финн перевелись в другую начальную школу, и я больше не вспоминала о них. Пока на первом курсе я не увидела, как они вальсируют в Истон-Хай, словно они там хозяева.

Ладно, это ложь.

Я и правда немного думала о Ксавье после того, как он исчез из моей жизни. Но только из-за произошедшего в парке, когда мы в последний раз играли вместе. Мы даже не подозревали, что через двадцать четыре часа мисс Ричардс постигнет трагическая участь.

Чтобы вы понимали, прямо на глазах ее сына.

Я пряталась под большой горкой, захлебываясь соплями, а из моего колена хлестала кровь, после того как Ксавье толкнул меня с лесенки на детской площадке. Это, наверное, был первый и единственный раз, когда я видела настоящие эмоции в глазах этого мальчика.

И это была вина.

Много вины.

– Прости. Пожалуйста, перестань плакать, – умолял он. Думаю, он боялся, что ему влетит. Одно дело – дразнить меня, и другое – поранить. – Клянусь, я не хотел. Мне очень жаль. Пожалуйста, не говори моему папе.

Это также был первый раз, когда он был ко мне наполовину добр.

Я не переставала плакать, тогда он запаниковал:

– Что ты хочешь, чтобы я сделал? Просто скажи. Хочешь, чтобы я поцеловал, где болит?

Я помню, что посмотрела на него как на сумасшедшего из-за его предложения поцеловать мое окровавленное колено. Он рассмеялся, осознав это.

Затем он взял мое лицо в руки, вытер слезу, скатившуюся

по моей щеке...

И вместо этого поцеловал меня.

Верьте мне, когда я говорю, что это тут же заставило меня замолчать.

Мой первый поцелуй был с Ксавье Эмери.

Но он все еще засранец.

— ...слышала, что они с Бри сильно поссорились из-за этого. Она также удалила несколько фотографий с ним из соцсетей.

Я возвращаюсь к реальности, кивая в такт рассказу лучшей подруги и удивляясь тому, откуда она все это знает. С момента пранка парней прошло всего три дня.

Еще даже не закончились выходные.

В пятницу нам дали выходной. Пожарные обошли школу, чтобы убедиться, что ребята не оставили нам больше... сюрпризов. Я никогда в жизни так не ждала возвращения в школу.

Два слова: письмо ненависти.

Я была одержима идеей вернуть эту дурацкую бумажку с тех пор, как нас отправили по домам в четверг. Благодаря выходке парней библиотека была закрыта все выходные, что означало для меня отсутствие работы и возможности сжечь эту чертову штуку.

Возможно, я слишком остро реагирую. Шансы на то, что кто-то найдет письмо раньше меня, близки к нулю. Мисс Каллахан дала понять, что у нее есть копии всех книг, что

поможет ей в процессе выставления оценок, так что она точно не будет их искать, но я все еще боюсь, что меня поймут.

– Итак, каково наказание Ксавье? – спрашиваю я. – Если он взял вину на себя, оно должно быть серьезным.

– Эм, пока не знаю, – пожимает плечами Диа. – Не уверена, что сам Ксав в курсе. Но так как это его первое нарушение и все такое, то, наверное, его оставят после уроков? – На телефон Дии приходит сообщение, и она бросает взгляд на экран. – Похоже у Тео кое-что намечается. Его родители уехали на ночь. Ты с нами?

– Дай мне подумать. – Я делаю паузу. – Пас.

– Ты не думала, – ворчит Диа.

– Я очень быстро соображаю, – поддразниваю ее я, и она разочарованно вздыхает. – А что случилось с нашим планом потусить сегодня вдвоем?

Она закусывает нижнюю губу.

– Ви, ты знаешь, я люблю тебя, но... Мы уже три года зависаем вдвоем. Это наш выпускной год. Разве ты не хочешь убедиться, что мы это переживем?

В глубине души я всегда подозревала, что Диа хочет большего.

Больше популярности, больше вечеринок, больше интрижек. И, если быть честной, часть меня с ужасом ждала того дня, когда это «больше» захочет ее забрать.

Ждала того дня, когда тупоголовые парни Истона проснутся и поймут, что моя лучшая подруга потрясаю-

ще красива. У Диа испано-индонезийские корни. Загорелая темноволосая красавица, которая без проблем набрала бы миллионы подписчиков, если бы только попыталась.

И тут нет ничего общего с завистью.

Я достаточно уверена в себе, чтобы сказать, что и сама не уродина. В хорошие дни мне даже нравится, как я выгляжу – волнистые карамельно-каштановые волосы длиной до талии, карие глаза с зелеными искорками, даже веснушки, которые я привыкла скрывать, – но я и близко не чувствую себя так комфортно в своем теле, как Диа.

Я не ношу шорты, топы или бикини. Я любительница водолазок, широких джинсов, которые на один размер больше, чем нужно, и, как бы мне ни нравился мой стиль «тихони», иногда я думаю, что он наделил меня способностью быть невидимой. Во всяком случае, для мужского населения.

Неважно. Наверное, это к лучшему.

Мой папа часто говорил, что Сильвер-Спрингс – это тупиковый городок. Называл его «Лузерфест». Он был так близок к тому, чтобы убедить маму убраться отсюда ко всем чертям, до своей смерти. Он перевернулся бы в могиле, если бы увидел, что его маленькая девочка сосредоточена на чем-то другом, кроме своих мечтаний. Прямо сейчас единственное, что имеет значение, – это получение стипендии.

– Земля вызывает Ви, – Диа машет рукой перед моим лицом.

– Прости. Слушай, если ты хочешь увидаться с Финном, –

просто скажи, все в порядке.

– Нет, – говорит она, и я приподнимаю бровь, как бы говоря «ты серьезно?». – Ладно, хорошо, я не видела его все выходные, но и с тобой я тоже хочу потусоваться.

– Все нормально, Ди. Мы просто соберемся в другой раз. Мне все равно нужно забрать Эшли через полчаса. – Я даже шага не успеваю сделать, как Диа спрыгивает со своей кровати и удерживает меня.

– Ви, ты знаешь, сколько людей в школе убили бы за то, чтобы их туда пригласили? – она сжимает мои плечи так, будто хочет засунуть эти слова в мой мозг. – Через несколько месяцев старшая школа закончится. Все. Навсегда. Если ты хотя бы не попытаешься насладиться оставшимся временем, в будущем ты будешь жалеть об этом.

Помедлив, я прикусываю внутреннюю сторону щеки.

– Ну давай мы просто поиграем в бильярд, выпьем немного. Все будет спокойно. Только парни и мы. Пожааалуйста, – она складывает ладони, беззастенчиво умоляя.

– Господи Иисусе, ладно, – уступаю я. – Я заеду после того, как заберу Эшли, но если там будет отстойно, я уйду.

Взвизгнув, Диа заключает меня в объятия.

– Там не будет отстойно, обещаю.

Вырвавшись из объятий, я прощаюсь и выхожу из дома Митчеллов.

– Эшли Камилла Харпер! – кричу я во всю мощь своих легких, едва переступив порог своего дома. – Ты что, умрешь, если напишешь мне, что репетиция отменяется?

Нет ответа.

Ее туфли здесь, значит, и она тоже. В ярости я бросаю ключи в миску у двери и поднимаюсь по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки зараз, в спальню моей сестры.

– Я ждала тебя два часа. Два часа! – ору я, перекрикивая музыку, доносящуюся из-за ее закрытой двери. Чем ближе я подхожу, тем громче звучит припев песни *River Bishop Briggs*. Взявшись за ручку, я распахиваю дверь и...

Тут же жалею об этом.

Первое, что я вижу, – полуголую сестру на кровати.

Второе, что я вижу, – парня без рубашки на ней.

Забавно, но вид моей семнадцатилетней сестры, развратной и грязной, меня не волнует. Что заставляет мое сердце упасть прямо в желудок, так это парень, засунувший свой язык ей в глотку.

Что, во имя всего святого, он здесь делает?

Музыка настолько громкая, что они даже не услышали, как я вошла. Они, вероятно, также не слышали, как я ора-

ла, пока поднималась наверх. Рука придурка поднимается по спине моей сестры, чтобы расстегнуть лифчик, и у меня начинается паническая мини-атака. Я бы предпочла, чтобы она не выставляла напоказ свою грудь, когда я кричу на нее.

В панике я отключаю телефон сестры от портативной колонки и ору самое громкое «Какого хрена?», на которое способна. Оба виновника вскакивают, пятясь друг от друга настолько быстро, насколько это вообще возможно. Челюсть Эшли падает на пол, когда она шарит по кровати в поисках рубашки.

– Ви! Ч-что ты делаешь дома так рано? – Она прижимает футболку к груди.

– Рано? Уже седьмой час.

– Правда? – Эшли вскакивает с кровати, снова натягивая футболку, как будто время на часах – гораздо большая проблема, чем то, что ее застукали с *ним* в постели.

– Ты оставила меня в академии на два часа!

– Черт, черт, черт! – она начинает расхаживать по своей комнате, как маньяк. – Я... Пожалуйста, не говори маме. Мне так жаль, Ви. Я собиралась встретиться с тобой в моей школе, чтобы ты могла забрать меня, но потом... Я думаю, мы потеряли счет времени и...

– Подожди секунду, – вмешиваюсь я. – Что значит ты собиралась встретить меня в школе, чтобы я могла забрать тебя? То есть тебя там не было с самого начала?

То выражение, которое появляется у нее на лице в сле-

дующий момент, говорит само за себя. Это не должно раскрыться, так?

Она морщится:

– Ладно, не злись, но... Я вроде как выдумала репетиции по воскресеньям.

– Прости, что?

Она закрывает лицо руками с французским маникюром.

– Я знаю, мне жаль. Пожалуйста, не ненавижь меня. Я просто хотела иметь немного свободного времени. Мама сводит меня с ума.

– То есть ты хочешь сказать, что я каждое воскресенье в течение трех месяцев из кожи вон лезу, чтобы забрать тебя из места, куда тебе даже не нужно было ходить?

Как будто недостаточно того, что я должна забирать ее с уроков пения в ее модной музыкальной академии все остальные дни недели.

– Блин, ты прекрасно знаешь, что, если бы я не придумала эти репетиции, мама назначила бы мне пять уроков по воскресеньям вдобавок к субботам, а у меня и так едва хватает времени дышать. Мне жаль, что тебе приходится играть роль шофера. Я говорила маме, что буду ездить на автобусе, чтобы она не заставляла тебя заезжать за мной, но она настаивала, что тебе больше нечего...

– Эш, – выдыхаю я. – Все в порядке. Я поняла.

Как бы мне ни хотелось на нее злиться, я не могу.

Не могу винить ее за то, что она хочет немного пожить.

Не могу винить ее за то, что она так невероятно талантлива, что выиграла Rising Voices, огромный телевизионный конкурс вокалистов, когда ей было шесть лет. И особенно не могу винить ее за то, что с тех пор она оплачивает значительную часть наших счетов из своих призовых, полученных на том конкурсе, и со своего канала на YouTube.

Одиннадцатилетняя Авина раньше грустила из-за этого дерьма. Было время, когда я бы убила за то, чтобы быть сияющей звездой моей мамы. Быть центром ее вселенной, занять место Эшли.

Теперь нет.

Сейчас я понимаю, как мне повезло родиться обычной.

Моя мама стала «мамаджером» сестры в тот момент, когда поняла, что у Эшли есть голос. Эш было не больше четырех лет, когда мама впервые посмотрела на нее со значками доллара в глазах. И если я чему-то и научилась, наблюдая, как Эшли изнуряет себя попытками построить карьеру со времен детского сада, так это тому, что быть особенной — это цена, которую очень немногие готовы заплатить.

— Ты скажешь маме? — Эшли выпячивает нижнюю губу.

Я притворяюсь, что раздумываю об этом, хотя на самом деле мой ответ уже готов.

— Нет, — говорю я, и ее плечи опускаются с облегчением.

— Спасибо, Ви. Ты лучшая.

— Но с этого момента ты будешь добираться домой на такси. Мне все равно, куда ты ходишь днем. До тех пор, пока мы

будем приходить домой в одно и то же время, маме необязательно знать.

Не говоря ни слова, она заключает меня в объятия, на которые я без особого энтузиазма отвечаю. Я хочу ее ненавидеть. Я и правда хотела, но это продлилось недолго. Потому что какой бы талантливой она ни была, сколько бы просмотров ни набирали ее оригинальные песни на YouTube, моя младшая сестра – по-настоящему хороший человек.

Я могу не соглашаться с мамой во многих вопросах, но она была права, когда настояла на том, чтобы Эшли окончила среднюю школу в Сильвер-Спрингс, прежде чем переехать в Лос-Анджелес и попробовать себя в роли суперзвезды. Это помогло ей не зазнаваться...

По большей части.

Ладно, временами эго Эш немного раздуто. Она думает, что мир вращается вокруг нее, и не понимает, как ей повезло иметь все это в семнадцать лет, но по сути своей она добрая душа...

Чего не скажешь о мусоре в ее постели.

– О, и это, – я указываю на ее бывшего парня, – должно прекратиться. Мама убьет тебя.

Ошибка Эшли медленно осматривает мое тело.

– Давно не виделись, Ви, – от его ухмылки по всему моему телу прокатывается волна отвращения.

– Логан, – я даже не смотрю в его сторону, сосредоточившись на Эшли. – С каких пор вы двое снова вместе?

– На самом деле это просто случайность, – говорит моя сестра с широкой, глуповатой улыбкой на лице, отчего у меня ноет в груди.

– Думала, ты уехал из города, – обращаюсь я к Логану, вкладывая все силы, чтобы скрыть свое презрение к нему.

Ублюдок, ты же обещал.

Ты обещал, что никогда не вернешься после того, что мы сделали.

– Знаю, но я передумал. Что я могу сказать? Я скучал по моей девочке, – говоря это, он смотрит мне прямо в глаза – намек болезненно ясен, отчего мне хочется зарыться в землю и спрятаться от своих демонов.

Спрятаться от своего позора.

Телефон Эшли звонит за несколько секунд до наступления неловкой тишины.

– Черт, это Роб, – она переворачивает экран и показывает мне имя своего менеджера. Маме нравится думать, что она все контролирует, но мы-то знаем, что у Эш есть другие способы получить предложения. – Я должна ответить.

Она выходит из комнаты, оставляя меня наедине с человеком, который мне нравится меньше всего на земле. Ее шаги, грохочущие вниз по лестнице, – сигнал Логану сделать свой ход.

– Скучала по мне? – имеет наглость спросить он.

– Ни единую чертову секунду.

Он невозмутимо подходит ко мне.

– Что ж, это очень плохо. Потому что я скучал по тебе, Ви-кард³.

Отвращение подкатывает к моему горлу.

Так он меня называет?

Это мое прозвище в компании его друзей?

– Уловила? Ви-кард? Потому что тебя зовут Авина и, ну...

Мне же не нужно объяснять остальное?

– П-позволь мне выразиться предельно ясно: между вами все было кончено. Прошли месяцы с момента, как вы расстались, – я изо всех сил стараюсь звучать уверенно, но мой голос немногим громче шепота. – И ты сказал, что никогда не вернешься. Ты и я... Это ничего не значило. Ничего, понятно?

– Окей.

Сначала я удивлена. Удивлена тем, как легко это было. Удивлена тем, что он, кажется, действительно понял смысл сказанного. Пока он пинком не закрывает дверь и не загоняет меня в угол у стола Эшли.

Меня вот-вот стошнит.

Потому что он жестокий.

Потому что я ужасный человек.

Но самое главное – я ужасная сестра. Я ненавижу, что единственный дикий поступок в моей жизни оказался мо-

³ V-card – сленг из TikTok. Термин, используемый для определения девственности. У всех девственниц есть «v-карта», пока они не «обналичивают» ее для секса.

ей самой большой ошибкой. Ну, на самом деле не такой уж большой... если вы понимаете, что я имею в виду.

– Но это не значит, что мы не можем повторить это, не так ли, Ви-кард? – большой палец Логана скользит по моей щеке, и я отшатываюсь. – Черт, что скажешь, если Эш согласится устроить тройничок?

Самое отвратительное, что он вряд ли шутит.

– Отвали от меня на хрен! – я отталкиваю его.

– Такой грязный маленький ротик. Мне больше нравилось, когда он обхватывал мой...

Я даю ему такую сильную пощечину, что сама не ожидаю. Его челюсть отвисает, глаза становятся такими же темными, как и его душа, когда он делает угрожающий шаг вперед.

– Сучка, – говорит он сквозь стиснутые зубы и замирает как вкопанный, когда голос Эшли становится все громче. Она уже возвращается, все еще разговаривая по телефону. – Слышишь? Сестренка уже идет. Как думаешь, неудачное время для предложения секса втроем?

Должно быть, страх написан на моем лице, потому что он издает злобный смешок. Мы с Эшли только вернули наши отношения в нормальное русло. Она никогда не должна узнать о том, что произошло.

Никогда.

– О, не волнуйся, Ви-кард. Твой секрет останется со мной, – Логан отступает к кровати, где моя сестра оставила его. Слезы застилают мне глаза, я распахиваю дверь, но за

пару секунд до того, как я выхожу в коридор, Логан добавляет:

– Пока что.

4

Авина

Без четверти семь я паркую свою машину на подъездной дорожке к дому Теодора Кокса и глушу двигатель. В любой другой день я бы использовала все возможные оправдания, чтобы пропустить эту вечеринку, «небольшое сборище» – или как бы они это, черт возьми, ни называли, – но мне нужно было выбраться из своего дома.

Подальше от Эш и Логана.

Особенно после того, как моя мама пригласила этого психопата на ужин.

Я в ужасе от того, с какой легкостью Логан может переключиться на режим «славного парня». Прошло уже больше года с тех пор, как они с Эшли расстались, а этот ублюдок вернулся к своему образу и глазом не моргнув.

Он идеально выстроил личность, лижущую задницы: застенчивые улыбки, «спасибо» и «пожалуйста», фальшивые комплименты моей маме, которая хочет верить, что выглядит вдвое моложе своих лет.

Он мог бы одурачить меня – да, черт возьми, он и одурачил меня. Одурачил, заставив довериться ему, одурачил, заставив открыться, одурачил, заставив предать свою родную кровь.

Подъездная дорожка Тео забита машинами, одна из них – лаймово-зеленый «жук» Дии. Неторопливо направляясь к одноэтажному дому Тео, я достаю телефон, чтобы быстро написать лучшей подруге: «Я здесь».

И тишина.

Однажды я уже была у Тео – в начале выпускного года Диа затащила меня на вечеринку по случаю возвращения в школу. Я стучу в дверь пять раз, прежде чем забываю о хороших манерах и вхожу без приглашения. Кухня Тео пустынна, хотя каждая плоская поверхность усеяна пустыми пивными банками и красными стаканчиками.

– Диа? – я вытягиваю шею, чтобы заглянуть в гостиную. Там нет ни души.

Именно тогда воздух разрезает пронзительный крик, сопровождаемый громким всплеском и отдаленным смехом. Я иду на шум в заднем дворе и, открыв стеклянную дверь, нахожу элиту Истон-Хай в бассейне.

Ну, технически в бассейне только Финн, Диа и Тео. Бриэль и капитан команды поддержки Лейси Мэттсон лежат на желтых шезлонгах в своих бикини, в то время как Аксель Флетчер, парень из баскетбольной команды, смотрит на них как на кусок мяса.

Я отваживаюсь выйти из дома, тревожность скручивает мой живот. Диа кричит на Финна из-за того, что он толкнул ее в воду полностью одетой. Она брызгает в него водой, обзывает, Финн продолжает улыбаться и подплывает к ней. Он подхватывает Диа на руки, чтобы поцеловать, и девушка практически тает в его руках.

Меня еще никто не увидел.

Я бы не смогла вписаться, даже если бы постаралась. *Ага, это знак для меня.* Я медленно отступаю назад, надеясь

скрыться в машине до того, как они заметят меня...

– Ви? – я узнаю голос Даймонд.

Дерьмо.

– О, привет, – я неловко машу рукой.

Все взгляды устремляются ко мне.

– Ты собиралась уйти? – беспокоится подруга.

– Что? Нет. Я просто... собиралась взять выпить. Внутри. Потому что мне жарко, – я обмахиваюсь.

Очень правдоподобно, тупица.

– С этим не поспоришь, – Аксель Флетчер опускает солнцезащитные очки, будто осматривает товар.

Стильно.

Надо отдать ему должное, парень определенно оправдывает свою репутацию. Подумать только, ему можно было бы поставить твердую восьмерку, если бы он не сексуализировал всех, у кого бьется сердце.

Диа поспешно выходит из бассейна и направляется напрямик к красному холодильнику у барбекю. Промокшие шорты и майка облегают ее как вторая кожа, а густые черные волосы представляют собой спутанный, выющийся беспорядок. Финн хорошо ее отделал.

– Что ты хочешь? Пиво? Холодный чай? У нас все есть.

– Холодный чай звучит здорово.

– Держи, – она протягивает мне банку Arizona Iced Tea. –

Черт, ты не взяла с собой купальник, да?

Я качаю головой.

– А ты? – Я жестом указываю на ее наряд, и она смеется.

– Да, я собиралась надеть его перед тем, как мой тупоголовый па... – она откашливается. – Перед тем, как *Финн* бросил меня в бассейн.

Я уже давно ждала, когда она оговорится, чтобы подтвердить мои подозрения.

Их неэсклюзивные отношения – идея не Даймонд. И никогда таковой не была. Она принадлежит Финну. Это он продвигает чушь про «друзей с привилегиями». Диа давно бы закрыла эту тему. Она уже видит в нем своего парня.

Ничем хорошим это не закончится.

– Я пойду переоденусь в купальник. А ты пока пообщайся, – она показывает на своих блестящих подруг новой модели.

Я киваю, но внутренне умоляю ее не оставлять меня с ними наедине. Диа убегает в направлении дома, затем останавливается, оглядывая меня через плечо.

– О, и Ви?

– Да?

– Я правда рада, что ты пришла.

Я выдавливаю из себя легкую улыбку и вру:

– Я тоже.

Я направляюсь к бассейну, в то время как Диа скрывается в доме Тео. На секунду я задумываюсь о том, чтобы пообщаться с девушками, но затем понимаю, что скорее выколю себе глаза вилами, чем буду вести светскую беседу с Бриэль

Рэндалл.

Мы вместе ходили в среднюю школу, и, клянусь, Бри и ее приспешникам нравилось делать мою жизнь невыносимой.

На самом деле она несколько раз задевала меня, когда мы впервые общались со спортсменами в школе.

К счастью для меня, Финн мгновенно остановил ее, сказав, что все, кто важен для Диа, важны и для него и она может либо заткнуться, либо уйти. Финн может быть маленькой сучкой, которая боится обязательств, но даже я должна признать, что парень невероятно преданный.

– Эй, Авина! – машет рукой Лейси, когда я приближаюсь к бассейну.

– Привет, – к своему удивлению, я искренне улыбаюсь.

Иногда я задаюсь вопросом, почему Лейси тусуется с Бриэль. Конечно, они обе чирлидерши, великолепные, популярные, но с точки зрения характеров они совершенно разные.

Однажды я делала научный проект с Лейси – давайте попробуем еще раз: однажды я делала научный проект, пока Лейси молча наблюдала, и она вела себя мило. Возможно, она и не блещет умом, но для капитана команды поддержки она... на удивление порядочная.

Я сажусь у бассейна, закатав джинсы так высоко, насколько возможно, и, скинув свои поддельные Toms'ы⁴, опускаю ноги в воду.

– Эй, Ви. Рад, что ты смогла прийти, – говорит Финн из

⁴ Легкие тапочки, сшитые из парусины.

вежливости. Заметно, как и искусственный загар Бри, что он добр ко мне только потому, что я лучшая подруга его девушки, но я все равно ценю это.

Тео фыркает:

– Авина, да? Тебе говорили, что твое имя звучит как название крема для рук?

Я уже собираюсь ответить, как вдруг глаза Тео загораются.

– А вот и он, – ликует Тео. – Как раз, черт возьми, вовремя.

– Где ты пропадал, принцесса? Задержался в парикмахерской? – смеется Финн.

Я резко поворачиваю голову и вижу, как из дома Тео выходит не кто иной, как Ксавье Эмери в образе «плохого парня», но, по мнению всего проклятого города, он не способен сделать ничего плохого. На нем потертые джинсы и черная футболка. Похоже, он тоже не получил памятку о том, что вечеринка будет у бассейна.

– Малыш! – Бри спрыгивает со своего шезлонга, идет к нему и обхватывает его плечи руками, чтобы поцеловать в щеку. Ксавье даже не смотрит на нее, прежде чем одну за другой отцепить ее руки от своей шеи.

Ой.

Затем он неторопливо подходит к бассейну, чтобы обменяться чем-то вроде рукопожатия с Финном и Тео. *Это мужская фишка, не спрашивайте.* Бри так и осталась там стоять, глаза широко раскрыты, челюсть отвисла.

– Блин, ты что, серьезно? Ты все еще злишься? – скулит она.

Ксавье поворачивается, смотрит ей прямо в глаза и говорит:

– Я не злюсь. Просто между нами все кончено.

На заднем дворе так тихо, что я слышу собственное дыхание.

– Че-е-ерт, приятель! – Тео прижимает кулак ко рту.

Помните, я говорила, что Теодор Кокс не такой уж тупой? *Неважно.*

– Прошлой ночью я был серьезен, Бри. Между нами все кончено. Тебе нужно перестать ошиваться рядом с моими друзьями, – Ксавье просто прикончил ее.

Любой нормальный человек был бы подавлен в такой ситуации, но самая яркая эмоция на лице Бри – не печаль. Это *ярость*. Она выглядит так, будто размышляет, как отмазаться, если она разрежет Ксавье на миллион мелких кусочков.

– Плевать. Как будто я тебя когда-нибудь любила, – выплевывает она, поворачиваясь, чтобы уйти. – Лейс, ты идешь? Нам здесь не рады.

– Вообще-то, – вклинивается Финн, – Лейси пришла, потому что ее позвала Диа, в отличие от твоей сталкерской задницы, которая решила увязаться следом и пригласила себя сама, так что она может остаться, а ты проваливай. Как тебе такое?

Уязвленное самолюбие Бри на долю секунды проглядыва-

ет сквозь ее покерфейс.

– Лейси? – настаивает она.

Лейси избегает пристального взгляда Бри.

– На самом деле я... я думаю, что задержусь тут ненадолго.

Мне почти жаль Бри.

Почти.

Потом я вспоминаю, как в третьем классе она намазала суперклеем мой стул и мне пришлось снять штаны, чтобы встать.

Диа выходит из дома в бикини как раз в тот момент, когда Бри говорит Ксавье:

– Просто чтобы ты знал, если кто-нибудь спросит, – у тебя крошечный член.

На этой ноте она показывает ему неприличный жест и покидает территорию Коксов. Секундой позже ее машина с ревом проносится по улице.

– Что за... Что я пропустила? – спрашивает Диа.

– Бри только что бросили. Вот что. Тащи свою милую попку в бассейн, – командует Финн, и Диа подчиняется, быстро присоединяясь к своему другу. Парень притягивает ее к груди, осыпая поцелуями ее шею и щеку, а она хихикает.

Вау, я так одинока.

– Лейс, давай! – кричит Диа, и Лейси, не теряя времени, ныряет в бассейн.

Когда эти двое успели подружиться? Точно. А чего я ожи-

дала? *Диа теперь популярна*. Уверена, более неловко, чем сейчас, я себя еще не чувствовала.

Пока он не доказывает, что я ошибаюсь.

– Какого хрена она здесь делает?

Мне не нужно смотреть на него, чтобы понять, что он говорит обо мне. Я резко поднимаю голову и встречаюсь взглядом с самой яркой парой аквамариново-голубых глаз, которые я когда-либо видела. До этого момента я вела себя тихо, почти незаметно, но теперь мне некуда деться.

– Я думал, мы говорили, только близкие друзья, – Ксавье смотрит на меня с явным отвращением.

– Не будь козлом, чувак. Она лучшая подруга Дии, – приходит мне на помощь Финн.

– Ну и что, блин? Она мне не друг.

– А вот и тот тиран, которого я помню, – слова вырываются прежде, чем я успеваю их остановить. Брови Ксавье взлетают вверх от моего ответа. Полагаю, он не думал, что я что-то отвечу, поскольку раньше никогда этого не делала.

Что ж, нам больше не восемь.

Его глаза не отрываются от меня, в его взгляде читается миллион вопросов. Только тогда я осознаю, что все неправильно поняла. Он удивлен не потому, что я заговорила в ответ. Он в замешательстве.

Он меня не помнит.

– Пошел ты, Ксавье! – рывкает Диа. – Она остается.

– Знаете, ребята, если теперь мы собираемся тусоваться

с неудачниками, то хотя бы предупреждайте меня, чтобы я мог добавить это дерьмо в резюме, – Ксавье издает саркастический смешок и возвращается в дом Тео.

Я потрясена.

– Извини за это. Дело не в тебе, – Финн нарушает молчание, как только его приятель оказывается вне зоны слышимости. – В последнее время он со всеми дерьмово обращается. У него просто не лучшие времена.

Я киваю, прекрасно осознавая, что он лжет. Дело во мне. Ксавье всегда был таким в моем присутствии, но, наверное, я обманывала себя, думая, что он изменился за последние десять лет.

Ученики школы по крайней мере правы в одном.

Ксавье Эмери не такой, как его друзья.

Он хуже.

– Ранее ты не ответила на мой вопрос. Твое имя... откуда оно? Шампунь или крем для рук? – Тео наклоняется над бильярдным столом, чтобы сделать первый удар и разбить шары. Услышав его вопрос, я закатываю глаза. На моих губах появляется намек на улыбку. Мы играем уже четвертую

партию.

Оказывается, Теодор Кокс не худший собеседник, когда не отпускает тупых шуток по поводу моего имени. Он болтает со мной с тех пор, как мы все переместились в гостиную.

Аксель ушел двадцать минут назад. Скатертью дорожка. Я не могла наклониться, чтобы поиграть, потому что постоянно чувствовала на себе его взгляд. Что насчет Ксавье, то он так и не вернулся после того, как ушел. Финн пытался написать ему, но, похоже, я настолько ему противна, что бедняга больше ни секунды не мог находиться в моем присутствии.

– Подожди, разве твоя сестра не знаменитость или что-то в этом роде? – спрашивает Тео, когда я не отвечаю на его поддразнивания.

– Возможно. А что? Хочешь автограф? – поддразниваю я, сбивая сразу три мяча.

Тео расплывается в улыбке:

– Прости. Должно быть, отстойно, когда тебя все время спрашивают о ней.

Меня так и подмывает сказать ему, что на самом деле он первый, кто спросил о ней за последнее время. Эшли была такой маленькой, когда выиграла Rising Voices, что обычно ее помнят люди постарше. В основном это родители, бабушки и дедушки. Я всегда немного удивляюсь, когда кто-то нашего возраста знает Эшли по ее телевизионным временам.

Не говоря уже о том, что моя сестра довольно скромная.

Она ходит в частную музыкальную школу в двух городках

отсюда, держится подальше от вечеринок и молодежи Сильвер-Спрингс. Также она не зазнается. При встрече с ней вы никогда не узнаете, что число ее подписчиков на YouTube приближается к двум миллионам или она была состоятельна к шести годам.

– Моя мама помешана на этих чертовых шоу талантов, – уточняет Тео. – Сейчас она смотрит повторы своих любимых. Не проходит ни одного эпизода, чтобы она не прожужжала мне все уши о той победительнице, которая родилась и выросла здесь. Эшли, да?

Я киваю.

– Я навел о ней справки. Она хороша.

Поверь мне, она *знает*.

– А еще она горячая. Очень, – ухмыляется Тео.

Это она тоже знает.

Да, у Эшли есть все: ангельский голос, загорелое стройное тело со всеми изгибами в нужных местах, янтарные глаза, длинные медовые волосы. Люди называли ее «красавицей семьи», что, естественно, заставляло меня чувствовать себя гадким утенком. Но мой папа любил говорить, что мы одинаково красивы.

Только разными видами красоты.

Мне потребовались годы, чтобы понять, что он имел в виду.

Сейчас я знаю, что моя сестра не столько красивее меня, сколько ярче. В этом смысле она немного похожа на Диа. Эш

– воплощение женственности. Она носит облегающие платья, делает макияж, чтобы подчеркнуть данную Богом красоту, тратит тысячи долларов на маски для волос, чтобы ее золотистые локоны были идеально блестящими.

Она хочет, чтобы люди смотрели на нее.

А я? Не очень.

В детстве я остро чувствовала, как высоко сестра преузошла меня, поэтому в конце концов приняла свой статус «призрака Каспера» и решила стать невидимкой. Чаще всего я носила огромные толстовки и мальчишеские джинсы. Я ношу их и по сей день. Мне плевать на прическу, не говоря уже о красивых платьях.

Какой смысл? Все равно никто не заметит.

– У нее никого нет? – спрашивает Тео.

Я сдерживаю улыбку.

– Я бы устроила тебе свидание с ней, но в это время года она не занимается благотворительностью.

Финн, Диа и Лейси хихикают над моим остроумным высказыванием, и я чувствую себя тем счастливым ребенком, который смог рассмешить весь класс. Должно быть, это впервые с того дня, как Диа сказала мне, что в дальнейшем мы будем есть со спортсменами, когда я почувствовала, что могу как-то вписаться.

Раньше я в основном стояла в стороне и держала рот на замке, но с уходом злоки Бри и в отсутствие тирана Ксавье я начинаю понимать, что не так уж ненавижу их компанию.

– Черт возьми, Ви. Не знал, что в тебе это есть. – Финн протягивает мне руку. – Сверху.

Я смеюсь, дав ему пять за несколько секунд до того, как Диа обхватывает меня правой рукой за шею и притягивает, чтобы обнять.

– Ты дерзкая, Харпер. Я уважаю это, – говорит Тео, убирая свои темные, почти черные волосы с изумрудно-зеленых глаз.

– Но?.. – предчувствую я.

– Я буду уважать тебя еще больше, если ты дашь мне номер своей сестры.

Я фыркаю.

– Неплохая попытка, донжуан.

Тео и Эшли вместе не продержались бы и дня. Тео слишком любит девушек, а Эшли слишком умна, чтобы соблазниться таким парнем, как он. Хотя, судя по ее нынешним и прошлым парням, я подозреваю, что подтянутый зеленоглазый красавчик Тео как раз в ее вкусе.

Мы играем еще тридцать минут, прежде чем я, извинившись, отхожу в ванную. Мой телефон звонит, пока я мою руки, поэтому я выхожу на кухню, чтобы посмотреть, кто это.

Мама.

У меня также есть три непрочитанных сообщения от нее.

Мама

Ты где?

Мама

Завтра Эшли должна быть в школе ровно в семь утра.
Ранний урок. И ты ее отвезешь. Она не может опоздать.

Мама

Авина???

Сейчас только восемь.

Однажды я пришла позже обычного, и она вся извелась, боясь, что я нарушу ее идеальный график. Я перевожу звонок на голосовую почту, когда задняя дверь распаивается и Ксавье врывается на кухню Тео.

Я ни в коем случае не оправдываю его поведение ранее сегодня вечером, но Финн не лгал. Ксавье выглядит так, как будто он на самом деле наслаждается жизнью – обратите внимание на сарказм.

Интересно, почему он вернулся? Вычеркните это – интересно, почему он ушел, едва заметив меня. Насколько мне известно, это не я забрасывала шариками с краской его белое платье, когда мы были детьми, и не я зарубила топором всю его семью, так что я была бы признательна, если бы он сбавил градус враждебности.

– Все еще здесь? – протягивает он, заметив меня.

– Все еще самонадеянный засранец? – огрызаюсь я в ответ.

Я ожидаю, что он удвоит неприятные высказывания, раздавит меня злостью, так что вы можете представить мое

удивление, когда он закрывает рот, а уголки его губ дергаются в легкой улыбке. Его светлые глаза задерживаются на моем лице на секунду дольше, чем нужно, и я съеживаюсь под его пристальным взглядом.

Почему, ну почему он должен так выглядеть?

Удар ниже пояса, Жизнь, это удар ниже пояса.

Странно, но у меня такое чувство, что он никогда раньше не обращал на меня внимания. Да, он видит меня каждый день в школе. Видит мое лицо в толпе. Видит меня за обеденным столом где-то в толпе своих поклонниц. Но смотрит ли он на меня?

Нет.

Не так, как сейчас.

Не так, будто он открывает для себя что-то новое.

Похоже, он размышляет о том, хороша эта «новая» вещь или нет. Когда его полуулыбка превращается в полноценную ухмылку, я понимаю, что он принял решение, но у меня нет возможности прочитать ответ в его глазах.

– Как, говоришь, тебя зовут? – он прищуривается, что свидетельствует о серьезной работе мозга.

Моя кровь начинает закипать.

Этот засранец получил мой первый поцелуй и даже не может меня узнать!

– Авина? – говорю я, надеясь, что это что-то ему скажет.

Он продолжает рассматривать меня, как будто не может до конца понять, о чем идет речь.

– Я тебя знаю, да?

Я издаю смешок.

Этот парень сейчас серьезно?

– Мы ходим в одну школу. Не говоря уже о том, что каждый день общаемся с одними и теми же людьми.

Он качает головой.

– Нет, дело не в этом. Я откуда-то знаю тебя. Это то, что ты имела в виду раньше, верно?

Я ругаю себя за то, что открыла свой болтливый рот. Мне следовало оставить все как есть.

– Ты сказала, что помнишь меня как тирана, – добавляет он. – Мы раньше общались или что-то в этом роде?

Я думаю о том, чтобы отрицать это из чувства самоуважения. Не могу лгать, мне немного обидно, что он не сложил два и два раньше. Я понимаю, что нам было восемь лет, но даже Финн однажды заговорил об этом. Если Финн Ричардс, самый большой болван, которого я знаю, не говоря уже о том, что, в отличие от Ксавье, не он украл мой первый поцелуй, помнит меня, почему он не может?

– Понятия не имею, о чем ты говоришь. – Я поворачиваюсь, чтобы уйти.

– Ни хрена подобного. – У него в голове щелкает. – Малышка Ви?

Вот и он.

– Ты та девочка, которую Финн и я... – он не заканчивает предложение, но я точно знаю, что он собирался сказать.

– Раздражали? Дразнили? Мучили? Да, это я. Ты серьезно только сейчас это понял? Не слишком ли долго? – хмыкаю я.

Моя вспышка, кажется, только позабавила его.

– Слушай, в свою защиту скажу, что твоя мама всегда называла тебя только *Ви*. Я думал, это сокращение от Вики, Вивиан или чего-то в таком духе. И это было десять лет назад. Я даже не могу вспомнить, что у меня вчера вечером было на ужин.

– Неважно, – я пожимаю плечами.

– Черт, я должен сказать, Ви, – он окидывает меня взглядом. – Половое созревание пошло тебе на пользу.

Мои щеки пылают.

– Хотела бы я сказать то же самое о тебе, – лгу я сквозь зубы.

Ксавье улыбается моей неудачной попытке отрицать очевидное. Давайте не будем притворяться, что половое созревание пошло на пользу каждой женщине на земле, когда Ксавье Эмери за лето из «милого» превратился в «греховно горячего».

– Думаю, ты неправильно произнесла «спасибо», – при виде его самодовольной улыбки мне хочется коленкой ударить его в самое больное место.

И все же... мое сердце бьется немного быстрее, когда он приближается ко мне. Он пугает, причем самым раздражающим образом. «Непреднамеренным» образом. Он даже не пытается дотянуться до меня. Он так преподносит себя, об-

ладает такой харизмой, что это невозможно игнорировать. Лучше бы я не замечала, какой он высокий и какие яркие у него глаза.

Лучше бы я не видела того парня, которого знала раньше.

– Удивлена, что ты помнишь, как я выглядела тогда. Ну, знаешь, Альцгеймер и все такое, – отвечаю я.

– О, ты обиделась, что я не вспомнил тебя, *малышка Ви*? – дразнит он, и это меня бесит.

Потому что он прав.

Это не должно меня волновать, но это так. Я никогда не позволяла себе признаваться, но думаю, что «малышка Ви», возможно, была немного влюблена в голубоглазого мальчика, который поцеловал ее под горкой в тот день. Как жаль, что этот мальчик вырос и превратился в самодовольного придурка.

Финн, Диа, Тео и Лейси вваливаются на кухню, прежде чем я успеваю ответить.

– Я же говорил тебе, что слышал его, – говорит Тео Финну.

– Ксав, ты вернулся, – констатирует очевидное Финн.

– Спасибо, Эйнштейн, – фыркает Тео, и Финн пихает его локтем в живот.

– Куда ты ходил, чувак? – Финн обвивает рукой шею Диа, притягивая ее поближе.

– Теперь по воскресеньям я отбываю наказание, придурок. Я же говорил тебе вчера, – объясняет Ксавье. – Я вспомнил, что начинаю сегодня, только когда пришел сюда.

Это все объясняет.

– Точно. Мне жаль, чувак. За... все, – с виной в голосе произносит Финн. Полагаю, школьный совет был в два раза строже к Ксавьеру за то, что тот утверждал, будто он единственный, кто стоит за взрывом бомбы-вонючки.

Ксавье мог бы с таким же успехом собрать свое барахло и переехать в исправительный центр прямо сейчас. Маловероятно, что в этом месяце он будет проводить время где-нибудь еще.

– Я даже не знал, что это за штука – заключение по выходным, – Тео морщит нос.

– Да, ну... ты также не знал, что это за штука – презервативы. Не так ли, Лейси? – говорит Ксавье с ехидной ухмылкой.

Все смеются, кроме Лейси и Тео. Почти всем известно, что некоторое время назад Тео и Лейси боялись беременности.

– Трахни себя кактусом, дорогой друг, – невозмутимо говорит Тео.

Поговаривают, что эти двое активно спали вместе весь младший год. Пока Лейси не обнаружила, что у нее задержка.

Это была ложная тревога, но достаточно реальная, чтобы Тео покончил с ней. Он, должно быть, испугался до усрачки, раз бросил свою подружку для секса.

Не секрет, что с тех пор Лейси надеялась возобновить их

отношения. Она была одержима Тео с третьего класса. Если бы только он все еще хотел ее, когда восходит солнце.

Остаток вечера проходит весело – знаю, безумие, правда? Мы смеемся, снова играем в бильярд, и, хотя он за весь вечер не сказал мне больше ни слова, Ксавье, кажется, не совсем противно мое существование.

Маленькие шажочки.

Диа крепко обнимает меня, когда я вскоре после десяти собираюсь уходить.

– Я так рада, что ты дал... – *ик* – дала им шанс, – бормочет она мне на ухо, ее речь немного невнятная из-за выпитой водки с содовой, и я ей подыгрываю. Но не думайте, что я верю, будто отныне мы все будем одной большой счастливой семьей.

Я знаю, что в понедельник я снова буду молчать за обедом, а они станут королевскими особами школы Истон-Хай. Я заступлю на смену в библиотеке, пока Ксавье, Тео и Финн будут играть в баскетбол. Завтра все вернется в норму.

Завтра я сожгу письмо, которое может разрушить мою жизнь...

При условии, что кто-то другой не найдет его первым.

5

Авина

Говорят, беда не приходит одна.

Я всегда считала это причудливым способом сказать: «Когда жизнь — отстой... она действительно гребаный отстой». Хотя, должна признаться, до сих пор я до конца не понимала, что это значит.

Письмо исчезло.

Ис-чез-ло, *исчезло*.

Перевод: моя жизнь кончена.

Я почти уверена, что на секунду потеряла сознание, когда зашла в школьную библиотеку во время обеда и поняла, что книги стихов нет там, где она должна быть.

У нас в наличии только один экземпляр, и я абсолютно уверена, что поставила его на место. Шестой проход — вот где она должна быть. Я точно знаю — я сама переставила книги в алфавитном порядке.

Скорее всего, это какая-то ошибка, подумала я. Мне пришлось спросить Люсиль, библиотекаря и мою коллегу, помнит ли она, кто взял книгу. Она не помнит, хотя она также часто забывала про свои очки, которые были на ней, и искала их, так что я отнеслась к ее ответу скептически.

Я подумывала спросить ее, могу ли я сама заглянуть за стойку и проверить наши базы данных, но решила этого не делать. У меня выходной. Что может быть такого важного, чтобы мне понадобилось воспользоваться компьютером днем, когда я все равно работаю вечером после школы?

Моей первой мыслью было, что лист бумаги каким-то об-

разом выпал из книги, когда ее взяли, но письма нигде не было в библиотеке. Как будто оно просто исчезло с лица земли.

Пуф!

Я пролистала свои двадцать страниц перед пятым уроком мисс Каллахан, но вплоть до конца занятия не слышала ни единого слова, вылетавшего из ее уст. Я была слишком занята, думая о том, кто взял книгу стихов. Охваченная тревогой, я сжимаю телефон в ладони и, лавируя в толпе, направляюсь в библиотеку. Каждый день после школы я работаю до шести, а потом сразу еду в музыкальную академию, чтобы забрать Эшли с ее частных уроков пения.

Меня еще не вызывали в кабинет директора Эмери, что играет мне на руку, но моя тревога не даст мне расслабиться, пока я не возьму в руки это письмо и не разорву его в клочья. Пробегая по коридору, я открываю социальные сети и просматриваю уведомления, чтобы отвлечься от катастрофы с письмом.

@The_Axel_Fletcher подписался на вас.

@The_Axel_Fletcher понравилась ваша фотография.

@The_Axel_Fletcher понравилась ваша фотография.

Я съезживаюсь, стараясь не подписаться на него в ответ. Помните, я сказала, что все вернется на круги своя после вчерашнего визита к Тео?

Возможно, это было не совсем правдой.

Финн и Тео поприветствовали меня кивком в холле этим утром. И заметьте, Дии со мной не было. Эти двое никогда

не признавали меня, если ее не было рядом. Я не кивнула в ответ. Решила, что, возможно, они смотрят на кого-то другого, а я буду выглядеть идиоткой, думая, что они обращались ко мне.

Более того, Ксавье тоже был с ними, и он смотрел прямо сквозь меня. Затем Тео повернул голову и крикнул:

– Эй, Харпер! Все еще жду номер твоей сестры. Займись этим.

В коридоре все уставились на меня.

– Тебе придется подождать! – крикнула в ответ я, и Тео рассмеялся, прежде чем раствориться в толпе с парнями. Странно, подумала я.

Затем пришло время ланча.

Я была более чем рада узнать, что Бри больше не будет есть с нами, ведь ее только что бросил капитан баскетбольной команды и все такое. И, к моему большому удивлению, крутые ребята не стали игнорировать меня, как они обычно делали.

Как будто вчерашний день открыл им глаза на мое существование.

Аксель приставал ко мне несколько раз. Я вежливо отказала ему, но, если судить по его имени в директе моего Instagram⁵, это не помогло. Тео еще немного подоставал ме-

⁵ Деятельность социальной сети Facebook / Instagram запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности (согласно ст. 4 Закона РФ «О средствах массовой информации»).

ня насчет Эшли. Мне пришлось сказать ему, что она занята. Бедняга переключил свое внимание на Лейси, едва я разрушила его мечты. Затем Финн спросил Дию и меня, собираемся ли мы на игру в пятницу.

Когда к тебе обращаются напрямую, а не как к неодушевленному предмету, это странно.

По-хорошему странно.

Я также не могла не заметить, что Ксавье выглядел так, словно предпочел бы смотреть, как сохнет краска, чем находиться там. Он почти ничего не ел. Почти не разговаривал. Он не смеялся вместе со всеми остальными.

Я общаюсь со спортсменами уже несколько месяцев, и хотя Ксавье не такой болтливый, как его приятели, он никогда не был настолько тихим. Обычно он отвечает, развлекает Финна и Тео всякой ерундой, но не сегодня.

Могу сказать, что Финн беспокоился о нем. Он постоянно поглядывал на лучшего друга, словно хотел что-то сказать, но так и не решился. В общем и целом я решила дать им шанс. Может, они не такие уж плохие.

Толкнув дверь в библиотеку, я засовываю телефон в задний карман. Люсиль стоит за компьютером и копается в своей сумочке. Ее смена закончилась, и она уже готова убраться ко всем чертям.

Хорошо.

Мы обмениваемся любезностями, прежде чем она перечисляет мне все, что осталось сделать сегодня вечером. Я

киваю, соглашаясь с ее списком, так отчаянно желая, чтобы она ушла, что мысленно отсчитываю секунды до того, как она выйдет за дверь.

Едва она оставляет меня, я начинаю изучать библиотеку, которая теперь совершенно безлюдна, за исключением меня, и ввожу свой код доступа в систему для поиска по каталогу. Я набираю название сборника стихов, и на экране появляется круг загрузки.

Давай же, ты, динозавр.

Пошевеливайся!

Три мучительные минуты спустя компьютер выдает мне то, что я хочу. Впервые с четверга я чувствую, что снова могу дышать. Как будто с моих плеч в одну секунду упала вся тяжесть мира.

Книга есть в наличии.

Ее вернули сегодня. Очевидно, после того, как я пришла ее искать. Но кто? Я продолжаю свое расследование, просматривая, кто брал книгу.

– Мистер Тейт? – произношу я вслух. Какого черта мой учитель по естественным наукам взял книгу стихов? Я замечаю, что вместе с ней он выбрал еще девять книг, и хмурюсь, глядя на дату.

Воскресенье.

Подождите, что?

Но библиотека была закрыта в воскресенье.

Должно быть, он договорился со школой, чтобы получить

эти книги. Это единственное объяснение. Не раздумывая ни секунды дольше, я быстро иду к шестому проходу, чтобы взять книгу и, надеюсь, письмо для мисс Каллахан.

Пожалуйста, будь там.

Пожалуйста, будь там.

Пожалуйста, будь там.

Я готова разрыдаться от радости, когда вижу скомканный лист бумаги. Он все еще там. Та же стран...

Подождите.

Сначала я думаю, что мне все это мерещится.

Потом я вижу их. Каракули, слова, комментарии. Кто-то ответил мне. Что еще хуже, кто-то *исправил* меня.

«Теперь, прежде чем я продолжу свою тираду, я хотела бы извиниться (нет) за любую ошибку, допущенную в этом письме, которые* ты никогда не получишь».

Дорогая мисс Каллахан!

Мы сволочь.

Я поняла это в тот самый момент, когда вошла в класс в начале выпускного года. Вот. Я это сказала. Мы. Сволочь. Причем не та, которая «на самом деле была», стоит только полугине ее узнать». Мы – олицетворение мерзкого ощущения промокших в луже носков.

Не удивлюсь, если ты проводишь вечера, купаешь в адском пламени в попытке придумать новые способы заставить своих учеников страдать. Серьезно, что вообще происходит у тебя в голове?

«Двадцать страниц о поэзии? Отличная идея! Дать старшеклассникам менее сорока восьми часов на чтение книги и сдачи работы? Еще лучше!»

Теперь, прежде чем я продолжу свою тираду, я хотела бы извиниться (нет) за любую ошибку, допущенную в этом письме, которое ты никогда не получишь. Сейчас мне не до драматичности.

Понимаешь, я разрываюсь на части, пытаюсь закончить школу, получить утерянную стипендию, чтобы свалить из этого чертового города, где я играю роль водителя для моей сверходаренной сестры и остаюсь постоянным разочарованием для моей матери.

О, и не забудь про двадцать страниц.

И правда, кому нужен сон?

Конечно, «технически» я сама виновата, что застрела с этой книгой стихов, но откуда, черт возьми, я должна была знать, что в тот единственный раз, когда я заболела и пропустила английский, ты дашь нам возможность выбрать книгу для эссе, которое будет составлять половину оценки в итоговом зачете?

Правда, я бы в любом случае застрела со скучной книгой (у тебя наверняка не было никаких интересных вариантов), но ты не должна была поступать с нами так плохо.

Уникальная. ЧЕРЕЗ «И».
Мои глаза горят.

Ты вероятно думаешь, что я ненормальная. Клянусь, это не так. На самом деле я вполне порядочная, за исключением тех случаев, когда называю женщин среднего возраста Сатаной. В свою защиту скажу: мой психотерапевт считает, что записывание чувств поможет мне с ними справиться.

Ну и что с того, что я назвала ^(тв)сволочью? Что с того, что я сижу здесь, в библиотеке, сразу время на написание нежного письма учительнице, которая никак не может вспомнить мое имя, когда я уже рназдваю? В любом случае это никто не будет читать.

Я понимаю, это письмо немного сумбурное, так что давай я одожду.

Дорогая мисс Каллахан,
Искренне,
От всего сердца,
Иди в жопу.
Л. ¹⁾

Ради бога святого. Еще две буквы
Насколько тяжело дописать
ДВЕ БУКВЫ?

А, хм? Интересно, какое твое настоящее имя. О, знаю!
Лучше бычи правописание! :D

* «Ошибки» – это единственное число. Значит и слово который должно быть в единственном числе. Боже, это не НАСТОЛЬКО сложно.

Не могу поверить в то, что вижу. Кем, черт возьми, он себя возомнил? Я говорю он, потому что почерк похож на мальчишеский.

А теперь он издевается над моим «именем».

Во-первых, мне не следовало подписывать это письмо. Я сделала это просто по привычке. Я выбрала Л, сокращение от Лав⁶, навскидку. Можно сказать, что прозвище Любовь имеет для меня особое значение, которое этот придурок про-

⁶ Love – любовь. Здесь и дальше ник героини будет переводиться Лав.

сто не способен понять.

Разве он не видел ту часть, где я разъясняю, что не буду исправлять свои ошибки? Нет, к черту это, разве он не видел, насколько уязвимой я была в том письме? В тот день с меня и так было достаточно, поэтому, естественно, этот придурок подумал про себя: «Ха, я должен добить эту незнакомку».

Только решив, что уже все видела, я переворачиваю листок и нахожу записку, написанную тем же почерком.

Это было весело. Совет: перестань изображать из себя жертву. Никто не любит плакать. Я бы также покончил с письмами ненавистнику, сердитая улиточка. Представь, если твоя учительница нашла бы его. Ты бы не хотела, чтобы ее хвастал удар из-за того, что она слишком сильно смеялась над твоей грамматикой.

Что за херню я только что прочитала?

Кто может быть настолько большим засранцем?

Мистер Тейт?

В конце концов, он же брал книгу. *Не может быть.* Этот человек и мухи не обидит, не говоря уже о том, чтобы задеть чью-то самооценку, и почерк у него вполне понятный. У мистера Тейта всегда была убийственная головная боль, когда он читал мои тесты по естествознанию.

Это кто-то другой.

Кипя от злости, я швыряю сборник стихов на ближайший стол, разрываю письмо на тысячу кусочков и выбрасываю его в мусорную корзину. Затем я беру ручку и бумагу на стойке

регистрации.

Я прекрасно понимаю, что засовывать еще одно письмо в книгу – пустая трата времени.

Практически нет шансов, что мой ответ когда-нибудь найдет тот же самый хулиган, но сейчас мне все равно.

Думаешь, ты видел меня злой, тролль?

Просто подожди.

Я начинаю продумывать маршрут побега с того момента, как отпираю входную дверь своего дома. *Просто доберись до лестницы, пока она тебя не увидела. Ты можешь это сделать.* Моя мама на кухне разговаривает с кем-то по телефону.

– Однозначно нет. Какая часть вам непонятна? Мы это уже обсуждали. Моя дочь сможет уехать из города тогда и только тогда, когда окончит школу. Ни днем ранее!

Я так понимаю, она спорит с Робертом, менеджером Эшли. В последнее время это часто случается. Мама закатывает истерику каждый раз, когда чувствует, что теряет контроль над своей драгоценной Эшли. Эш медленно ускользает от нее, и моя мама знает это.

Она чувствует, что этот миг приближается, подкрадываясь к ней все ближе с каждым днем. Надвигается момент, когда Эшли исполнится восемнадцать лет и она покинет ее. Мама больше не сможет удерживать Эшли словами: «Ты несовершеннолетняя и живешь под моей крышей». И я думаю – нет, я знаю, – она вложила столько сил в карьеру Эш и просто не представляет, что делать с собой, когда одаренная дочь покинет гнездо.

Роб терпеливо ждал того дня, когда он сможет сделать из Эшли настоящую звезду, и ему осталось недолго. В следующем году Эш заканчивает свою престижную музыкальную школу, и правлению моей мамы придет конец. Я не удивлюсь, если она продаст дом и отправится за Эшли через полмира, чтобы продолжить свое дело.

Как можно тише я закрываю входную дверь и на цыпочках подкрадываюсь к лестнице. Я не в настроении разговаривать с...

– Авина? Это ты?

Черт побери.

– А кто еще это может быть? – бормочу я.

– Ты забрала Эшли с...

– Да, я забрала ее с урока пения, – я уже знаю, что она скажет.

– А ты отвезла ее на десятилетнюю встречу выпускников...

– Да, мам, – повторяю я.

– Умница, – удовлетворенно кивает мама.

Несколько дней назад мы узнали, что продюсеры Rising Voices заинтересованы в записи десятилетнего воссоединения с Эшли. Технически прошло уже одиннадцать лет, но думаю, это не так ярко звучит. Им так не терпелось, что их команда даже съездила в Северную Каролину.

Они проведут краткое интервью с Эшли в стиле «Где они сейчас?» в конце серии на следующей неделе. Неудивительно. Эшли – одна из немногих победительниц конкурса, которая действительно построила карьеру офлайн и онлайн благодаря шоу.

Я до сих пор помню это, будто все случилось вчера.

Прошло не больше двух дней с тех пор, как Эшли заняла первое место. Папа, Эшли, мама и я собирались покинуть Калифорнию, где проходили съемки шоу, и ждали нашего рейса, который задерживался, в невероятно дорогом номере люкс, предоставленном телеканалом шоу.

Вот тогда мама достала свою новенькую видеокамеру и сказала моей сестре что-нибудь спеть. Мою маму следовало бы звать Эстер Преуспевающая Харпер, потому что ей потребовалось меньше десяти минут, чтобы создать канал Эшли на YouTube и опубликовать видео, в котором шестилетняя Эш исполняет *No One* Алиши Киз.

Двадцать четыре часа спустя у нее было десять тысяч подписчиков.

Сорок восемь часов спустя – пятьдесят тысяч.

На третий день – сто тысяч.

И, по иронии судьбы, к седьмому дню рождения Эшли у нее было семьсот тысяч.

Мама достает свой телефон, чтобы заказать ужин. Она больше не готовит. Говорит, что слишком занята с тех пор, как помощь Эшли с ее музыкальной карьерой превратилась в постоянную работу. Теперь она проводит дни за компьютером, запершись в своем «офисе», он же старая комната для трофеев моего отца, и занимаясь черт знает чем.

Не могу вспомнить, когда в последний раз нам разрешали туда заходить во время ее работы. Она держит дверь запертой с тех пор, как папа ушел от нас.

Эшли никогда не обращала внимания на то, что мама живет на миллионный приз с Rising Voices, доходы от рекламы на ее YouTube-канале и за счет спонсоров. Однажды я спросила сестру об этом, и она ответила, что может быть только благодарна маме за то, что она настолько верила в нее, что даже бросила работу бухгалтера.

– Во сколько мне нужно снова за ней заехать? – спрашиваю я, прежде чем выйти из комнаты.

– Роб подвезет ее домой сегодня вечером, – отвечает мама, уткнувшись глазами в свой телефон. – Он прилетел в город сегодня утром, чтобы сопровождать ее.

– Хорошо. – Я поворачиваюсь, чтобы уйти, но...

Что-то удерживает меня на месте.

Давно забытое воспоминание.

По крайней мере, всеми, кроме меня.

– Мам? – я оглядываюсь на нее через плечо.

– Да, милая? – она продолжает лазить в своем телефоне.

– Т-ты знаешь, какой сегодня день? – колеблюсь я.

Она делает паузу, чтобы подумать.

– Понедельник?

Она могла бы вырвать мое сердце, и *все равно* это было бы не так больно, как то, что она только что сказала. Что угодно причинило бы меньше боли, чем ее неведение.

– Нет, дата, – выдыхаю я.

Кажется, будто обогреватель ломается, когда слова слетают с моих губ. В комнате становится холодно, воздух такой же ледяной, как и сердце, которое, я не уверена, у нее есть. Я испытываю небольшое облегчение, когда в ее взгляде мелькает боль.

Она знает.

Хотя скорее умрет, чем заговорит об этом.

Она откашливается.

– Я забрала твою одежду из химчистки. Положила тебе на кровать.

Не знала, что человек может настолько отчаяться. Мне хочется закричать: «И это все? Мы будем еще год притворяться, что ничего не произошло? Еще один год вести себя так, будто наш мир не рухнул в этот день девять лет назад?»

Но я не могу набраться смелости. Поэтому я выбегаю из дома, забираюсь в машину и сильно прикусываю нижнюю гу-

бу, чтобы сдержатъ слезы. Бензин почти на исходе, но мне все равно. Я должна это сделать.

Ради него.

Ради себя.

Я должна отпраздновать его жизнь.

Не имея мужества доехать до источников – город же должен был в честь чего-то получить свое название, – я бесцельно еху, пока тридцать минут не превращаются в сорок пять.

Однажды я прочитала, что травмирующее событие лучше пережить в юном возрасте, чем в старшем. Считается, что дети запирают тревожные моменты в самом дальнем уголке своей памяти и таким образом позволяют себе пережить невыносимое.

Возможно, для кого-то это и правда... Мне повезло меньше.

Мне было девять лет, когда я нашла его, – не совсем ребенок, но и недостаточно взрослая, чтобы считаться подростком.

Но я до сих пор помню все.

Каждую деталь.

Каждый звук.

Но что я помню наиболее отчетливо, так это запах.

Выпивка, сигареты...

Смерть.

Мой отец покончил с собой в гараже на следующий день после моего девятого дня рождения. Эшли, мама и я пошли

на благотворительный концерт в поддержку больных лейкемией, где должна была петь Эш. Мы устроили девичник – заглянули в парикмахерскую, потом в торговый центр, чтобы купить идеальное платье для выступления Эшли. Мама, хоть и с большой неохотой, разрешила мне покрасить кончики волос в темно-розовый цвет, а моей сестре сделали мелирование.

Это был идеальный день.

До определенного момента.

Я забежала в дом раньше мамы и Эшли, чтобы найти папу. Я просто не могла дождаться, когда смогу показать ему свои волосы. Эшли всегда была маминой дочкой, я же – дочерью своего отца. Но Кертис Д'Амур был не просто моим папой.

Он был лучшим другом и единственным человеком в моей жизни, который, как я чувствовала, видел меня так же четко, как и мою сестру. Единственным человеком, кто заставлял меня чувствовать, что я его любимица. У него было особое прозвище для меня и только для меня.

Любовь.

Одно глупое маленькое прозвище.

Это все, что у меня от него осталось.

Когда я нигде не смогла его найти, то направилась в гараж. Я знала, что после аварии он любил тусоваться там. Хотя и не могла понять почему. *Разве это не напоминает ему о том, что он потерял?* – спрашивала себя девятилетняя Авина. – *Разве это не заставляет его думать о том, что он*

больше никогда не сможет водить ни одну из этих быстрых машин?

Мой отец был гонщиком, и чертовски хорошим гонщиком. Он любил это больше всего на свете.

Даже, по-видимому, больше своей семьи.

Один неверный поворот, и все было кончено.

Он лишился ног, карьеры, мечты. Он сел в инвалидное кресло и стал совершенно другим человеком. Из лучшего в мире отца он в одночасье превратился в жалкую оболочку человека. Затем он впал в такую глубокую депрессию, что никто, даже моя мама, не сумел его вытащить.

А она пыталась. Господи, как она пыталась. Она любила моего отца больше, чем кого-либо из нас, даже Эшли. Она заставила его обратиться за помощью. Но спустя два года постоянной терапии мы оказались здесь.

В холодном пыльном гараже, где пахло прощанием.

Когда я вошла, он сидел в старом кресле-качалке. Сначала я трясла его за руку. Я просила, *кричала*, чтобы он проснулся, пока у меня не пропал голос. Мой детский мозг не мог понять, что означал пустой пузырек из-под таблеток в его руке.

Там было и письмо.

Мама не дала нам его прочитать.

Она утверждала, что в нем был бред сломленного человека, а мы были слишком маленькими и хрупкими, чтобы подвергаться такому испытанию. Она клялась, что это к лучше-

му, и единственное, что было важно, — он сказал, что любит нас и ему жаль. Я плакала, умоляла ее дать мне возможность прочитать его.

Она сожгла письмо несколько дней спустя.

Она отправила нас с Эшли на терапию, чтобы мы могли поговорить об отце с профессионалами, но *никогда* напрямую с ней, — и я все еще хожу туда время от времени. Она полностью отрицала случившееся тогда и полностью отрицает это сейчас. Словно она закрылась после того, как ей пришлось оторвать меня от его тела. Она и до смерти отца была ближе с Эшли, чем со мной, но после той ночи отдалилась еще больше.

Два часа спустя я набираюсь смелости и еду к источникам. В детстве папа водил меня туда всякий раз, когда мне было грустно. Источники были нашим местом. Любимым в городе, да и во всем мире на самом деле. Мы сидели у ручья, слушали природу и журчание воды вдалеке.

Это всегда поднимало мне настроение.

Теперь же заставляет грустить.

Я паркуюсь в специально отведенном месте. Отсюда можно увидеть и услышать источники, не выходя из машины. Как ни странно, но парковка тут никогда не бывает забита. Местным жителям наскучили городские чудеса, и они оставляют честь посещать их туристам. И еще парочкам, которые ищут место для перепихона.

Нерешительно я открываю бардачок своей машины и до-

стаю ручку и бумагу. Каждый год я приезжаю подготовившись. Я никогда не скажу этого вслух, но я ненавижу свою мать за то, что она сделала с его последними словами.

И поскольку мне так и не удалось прочитать его письмо...

Я подумала, возможно, он сможет прочитать мое.

Каждый год я прихожу сюда, включаю музыку и, плача навзрыд, пишу ему письмо. Рассказываю ему все, что он пропустил. Наверное, это бессмысленно, но я продолжаю так делать.

Раньше я бросала письмо в воду и смотрела, как оно опускается на дно, но потом я решила, что это вредно для окружающей среды, поэтому теперь просто разрываю его на кусочки, позволяя ветру развеять их.

Скорее всего, это тоже не очень хорошо для окружающей среды, но, эй, я пыталась.

Я включаю радио, чтобы заглушить звук моих рыданий, и выплескиваю эмоции. Я плачу до тех пор, пока не становится тяжело дышать. Мое письмо не длинное, но и его таким не было.

Одна страница.

Одна короткая страница, чтобы попрощаться. Я подписываюсь его прозвищем для меня – *Лав* – и выезжаю задним ходом с парковки. Когда я опускаю окно, чтобы ветер донес мои слова до отца, я смею надеяться, что однажды...

Любовь будет означать что-то хорошее.

6 Ксавье

Бри

Ты уже пришел в себя?

Бри

Я говорила, что сожалею об истории со Snapchat. Чего еще ты хочешь от меня?

Бри

Перестань вести себя как гребаный ребенок и приезжай. Мне нужно немного... любви;)

Просматривая сообщения своей бывшей, я выпрыгиваю из грузовика и перекидываю ремень спортивной сумки через плечо. Девушка завалила мой телефон сообщениями с тех пор, как я сказал ей, что между нами все кончено.

Ксавье

Я в порядке. Спасибо.

Она отвечает через наносекунду.

Бри

Как насчет сейчас?

Бри приложила фотографию.

Мои глаза вылезают из орбит при виде картинки на моем экране. Освещение дерьмовое, однако этого достаточно, чтобы я мог разглядеть Бри топлес, лежащую в постели в одних трусиках, и только эмодзи в виде леденцов прикрывают ее соски.

Я не против обнаженного способа сказать «пожалуйста, прими меня обратно», но также я не горю желанием *снова*

с ней встречаться. Вообще-то, какого хрена, может быть, я заеду к ней после наказания. Мне не нужно встречаться с ней, чтобы трахнуть.

Впервые за несколько дней я отвечаю на ее сообщение.

Ксавье

Ты должна быть осторожней с тем, кому посылаешь такое.

Я целый год встречался с этой девушкой. Она может быть спокойна, зная, что я никогда ничего не сделаю с ее обнаженкой, но в Истоне есть парни, которые в мгновение ока завирусят это дерьмо.

Мой телефон пиликает один раз.

Бри

У тебя другая?

Второй.

Бри

Ксавье?

Затем приходит угроза.

Бри

Запомни мои слова, если ты трахаешься с кем-то еще – мне плевать, кто она, – я разорву ее на части.

Иии, достаточно.

Я больше не обращаю внимания на ее истерику и бросаю телефон в открытую спортивную сумку. Я чувствую запах пота, когда иду к своему дому. *Боже, это от меня?* Мне дей-

ствительно стоит принять душ перед отбыванием наказания. Тренировка была тяжелой.

Машина Хэнка стоит на подъездной дорожке.

Как и моего отца.

Чуть не забыл. Сегодня вечер покера. Игра у нас по вторникам превратилась практически в ритуал. Мы с Финном, может, и хорошие друзья, но наши отцы? Они настолько близки, насколько это возможно, не будучи кровными родственниками. Как там говорится? Ты можешь выбирать друзей, но не семью?

Моя дружба с Финли Ричардсом была не столько выбором, сколько судьбой. Благодаря нашим старикам мы вместе росли, вместе играли в мяч, вместе ходили в школу. Что еще нам оставалось делать, кроме как последовать примеру наших отцов и стать неразлейвода?

Я замечаю розы, разбросанные по столам, едва захожу на кухню. В один из букетов вложена открытка. Я подхожу, чтобы взять ее.

Мой взгляд пробегает по записке и корявому почерку отца. Точно, завтра двадцатая годовщина свадьбы родителей. Папа гордится тем, что каждый год устраивает для мамы что-то особенное, но в этот раз он действительно перестарался. Здесь букетов двадцать, не меньше.

Дайте угадаю, двадцать букетов за двадцать лет совместной жизни?

Прошу меня простить, но меня сейчас стошнит.

Он так заботится, что мне противно. Было бы гораздо проще, если бы он не брал ее с собой в романтические поездки.

Было бы гораздо проще, если бы он не делал все возможное, чтобы сохранить искру в их отношениях. Если бы он не любил ее, я бы без проблем обосрал им праздник. И без проблем бы смотрел, как их брак горит в огне.

Только скажи, и я принесу спички.

Ладно, я трус. Много говорю, но слишком слаб, чтобы рассказать ему. Только она может признаться в том, что сделала.

В том, что она делала на протяжении многих лет. Возможно, если бы это случилось один раз с каким-нибудь левым чуваком, отец смог бы найти в себе силы простить ее.

Но она сама вырыла себе яму, когда выбрала *его*.

Шаги эхом разносятся по коридору, и я поворачиваюсь, чтобы увидеть, как папа входит на кухню с Хэнком на хвосте. Скорее всего, они собираются встретиться еще с парой парней для игры в покер.

– Почему ты не на тренировке? – спрашивает папа.

И тебе привет, отец.

– Тренер отпустил нас пораньше. Я подумал сгонять в душ и переодеться перед наказанием.

– Для кого ты пытаешься хорошо пахнуть, красавчик? Может быть, для той девушки, Бри? Вы двое идете на свидание? – подшучивает надо мной Хэнк. – Будем надеяться, хоть это не попадет в интернет.

– Это называется гигиена, старик, – парирую я, и Хэнк хрипло смеется. С ума сойти, я бы никогда не осмелился сказать такое папе, но не моргнув глазом могу ответить отцу

Финна.

Хэнк всегда был гораздо лучшим спортсменом, чем мой отец. Он крутой папа, который смеется над своими шутками, – ну, вы знаете таких. Но даже не надейтесь, что он до смерти не надерет вам зад, если вы облажаетесь. *Полиция, кто-нибудь?*

В целом, когда он не кричит на тебя со вздувшейся веной на лбу, он довольно спокойный. Возможно, это как-то связано с тем фактом, что он при деньгах и устроился в жизни.

Мой папа – его полная противоположность.

Рэймонд Эмери – холодный, не умеющий показывать свои чувства отец, который лишь прикрывается тем, что хочет лучшего для своего ребенка, а на самом деле никогда даже не слушает его. Это одна из многих причин, почему они с Хэнком так хорошо дополняют друг друга. Папа Финна время от времени напоминает моему о необходимости перевести дух.

Я фыркаю, вспоминая о том, что Хэнк сказал ранее.

Одно я могу заявить наверняка: я *не* пытаюсь хорошо пахнуть для этого говнюка мистера Тейта. Я знал, что эти внеклассные занятия станут занозой в заднице, когда увидел, как мой старый учитель естествознания вальсирующей походкой вошел в исправительный центр в прошлое воскресенье.

Чувак ненавидит Финна, Тео и меня лютой ненавистью за то, что мы создавали проблемы на его уроках в девятом классе. Конечно, я думал, что он вряд ли еще таит обиду по-

сле всех этих лет, но то, как он посмотрел на меня...

Клянусь, я видел улыбку.

Плохой знак.

Я практически слышал, как он думает: «*Карма, сука*».

А еще он выглядел так, будто предпочел бы потягивать коктейль из спермы, а не следить за тем, как проходит наказание, вот так. В той комнате нас было десять человек. И этому сукиному сыну было необходимо дать мне самый толстый сборник стихов в истории, чтобы я переписывал его на протяжении следующих двух недель.

Совпадение?

Я так, мать его, не думаю.

Вряд ли он знал, что я найду там нечто, что развлечет меня. Сильно сомневаюсь, что мне повезет получить еще одно письмо от той сердитой цыпочки, но мне было весело в прошлый раз.

– Ты готов к игре в пятницу? – достает меня баскетболом отец.

– Всегда, – я поворачиваюсь, чтобы уйти. Наказание начнется через сорок пять минут, а я воняю, как подожженная мусорка. Слава богу, что следующие две недели мне надо к мистеру Тейту только по воскресеньям, вторникам и четвергам, иначе я бы сошел с ума.

– Новый план тренера хорош? Что насчет тренировок? – донимает он меня. – У тебя хватает времени из-за всего этого дерьма с наказанием? Я слышал, твой тренер отпускает тебя

пораньше?

Мама говорит, так мой отец показывает, что он заботится обо мне, но я думаю, что это в принципе *все*, о чем он заботится. Подумать только, отец был следующим на очереди на тренерскую должность в Истоне. Он согласился на оставшуюся вакансию физрука в надежде, что получит шанс стать тренером, если останется здесь. Я ежедневно благодарю свою счастливую звезду за то, что он его не получил.

– Пап, я опаздываю. Ты не против, если мы продолжим позже?

Он неодобрительно поджимает губы. Ему недостаточно информации, чтобы утолить свой голод.

– Не против, – отец идет ко входной двери. – Твоя мама скоро должна быть дома. Скажи ей, что я хотел бы быть здесь, чтобы увидеть ее реакцию, – он жестом указывает на цветы. – Ты понял.

– Пока, сопляк. – Хэнк подносит пальцы ко лбу в знак прощания, прежде чем последовать за моим отцом к выходу из дома.

Кто-нибудь, ущипните меня.

Еще одно письмо.

Еще. Одно. Письмо.

Я весь вечер убеждал себя, что получить ответ – маловероятно, но вот он. Аккуратно вложен между двумя страницами. Сначала я уклонился от допроса отца, а теперь это?

Должно быть, сегодня мой счастливый день.

Я украдкой бросаю взгляд на мистера Тейта, который сидит за стойкой администратора и проверяет работы учеников. Понятия не имею, как это вообще возможно. Каким образом этой сердитой цыпочке удалось получить доступ к книге за те сорок восемь часов, что меня тут не было? Хотя плевать. Я просто рад, что мне есть чем заняться, кроме как переписывать стихи в следующие десять минут.

Я аккуратно разворачиваю письмо и начинаю читать.

Дорогая грамматическая полиция!

Надеюсь, тебя собьет машина.

Не пойми меня неправильно, я не хочу, чтобы ты умер. Видишь ли, в отличие от тебя, я – ХОРОШИЙ человек. А хороший человек не станет издеваться над людьми без причины.

Но я все равно хочу, чтобы тебя сбила машина.

Возможно, ты сломаешь ребро или два.

Или двадцать четыре.

Возможно, ты мог бы использовать свое время ремиссии, чтобы спросить себя, почему ты такой козел. Подумать

хорошенько, что могло сделать тебя таким. Тяжелое детство? Отсутствие родителей?

Что это было, тролль?

Я хотела бы знать.

*Я знаю, что ты, скорее всего, никогда этого не прочтешь, но на случай, если это было недостаточно ясно: мне не нужны твои исправления или неприятные комментарии к моему письму, которое, кстати, должно было оставаться **КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫМ**.*

*И кстати, **ТЫ МЕНЯ НЕ ЗНАЕШЬ**. Я вовсе не плакса. И не «сердитая цыпочка». Серьезно, как ты вообще можешь быть уверен, что я девушка?*

Я могу оказаться чуваком семи футов ростом с отличным хуком справа, чтоб ты знал.

Вот так-то, придурок. Давай сыграем в игру «Пошел в задницу».

Ты первый.

Л.

Я должен быть оскорблен, шокирован тем, как выражается эта девушка, но все, что я могу сделать, перечитывая письмо в третий раз, это улыбаться до ушей.

У сердитой цыпочки есть характер.

Зачет.

Мне приходится напоминать себе, что нужно стереть эту глупую ухмылку с лица, чтобы не вызвать подозрений у над-

зирателя.

Я едва могу в это поверить, но прямо сейчас мне чертовски весело – и, возможно, я даже возбужден?

Итак, я беру ручку, переворачиваю письмо...

И приступаю к делу.

Авина

Книгу снова брали во вторник.

Что еще безумнее? Это был мистер Тейт.

Снова.

Он взял те же десять книг, что тоже странно, но мне было лень особо размышлять об этом. Может, ему просто нравятся скучные книги? Но опять же, он, похоже, их не читает, иначе бы уже нашел мои письма.

Наверное, это граничит с безумием, но единственное, о чем я думала, когда узнала, что книгу снова брали, было... получу ли я ответ снова.

Тогда я посмеялась над собой.

Мечтай дальше, Ви.

Помахав Люсиль на прощание, я нетерпеливо ждала звука закрывающейся двери, прежде чем ввести название книги в библиотечном каталоге.

Загрузка.

Загрузка.

Загрузка.

На экране появляется статус книги.

Я перестаю дышать.

В наличии.

Что за...

Библиотека представляет собой город-призрак, тут никого нет, за исключением старушки и ее мужа, и я уверена, что мне ничего не будет, если я загляну в книгу, пока они приглядываются.

Помедлив, я на цыпочках, словно преступница, подкрадываюсь к шестому проходу, с облегчением обнаружив книгу, спрятанную на нижней полке.

И ничего.

Мое письмо лежит между двумя страницами нетронутое.

Никаких исправлений.

Никаких злобных комментариев.

Пустота.

Затем я переворачиваю письмо.

Да, черт бы меня побрал.

Дорогая сердитая цыпочка!

Во-первых, спасибо за то, что так меня рассмешила. Мне это было нужно.

Во-вторых, не стоит так легко выходить из себя. Это лишает тебя веселья.

Отвечая на твой вопрос: я знаю, что ты девушка, по твоему девчачьему почерку (тебе стоит отказаться от сердечек над «i»). О, и как ты изображала жертву в своем первом письме к мисс Каллахан. Помнишь, ты была такая: «Бедная я, мамочка меня не любит, а я должна писать сочинение»?

Ох-блин-ох.

У всех нас есть проблемы.

Ты также спросила меня, почему я такой козел. По правде говоря, это не так. Во всяком случае, не в реальной жизни. Я достаточно милый парень, когда узнаешь меня поближе. Хотя и близко не такой милый, как, я думаю, ты. Я действую, когда жизнь – отстой. А ты, сердитая цыпочка? Ты похожа на человека, который подставляет вторую щеку для удара, еще и благодарит за это.

Слава тебе, что не стала убийцей.

И ты говоришь, что ты хороший человек (святая на своем троне доброй девочки с чистой, незапятнанной душой). Как насчет того, чтобы позволить мне самому судить об этом? Видишь ли, я считаю, что мы хороши настолько, насколько хороши худшие вещи, которые мы когда-либо делали.

Итак, скажи мне, злая девочка.

Что самое худшее ты совершала в жизни?

Зак

P.S. Вот тебе вымышленное имя, чтобы ты не называла меня «Грамматической полицией». Не благодари.

Я могла бы задушить его.

Если этот «Зак» искренне считает, что я настолько тупая, что выдам свои самые темные секреты незнакомцу, его ждет сюрприз. Я быстро изучаю библиотеку, останавливаю взгляд на пожилой паре, просматривающей раздел психологии, и обсуждаю сама с собой, уделить троллю еще немного времени или нет. Мне ответить? Или выбросить письмо и покончить с этим раз и навсегда?

Через пять минут я думаю: «А что я теряю?»

Он хочет признания?

Он его получит.

7

Авина

Дорогой Зак!

*(Кстати, какое банальное имя. А ведь ты мог выбрать любое имя. ЛЮБОЕ. *Качаю головой*)*

Поздравляю, ты поймал меня. Я девушка. Жаль, что это единственное, что ты правильно понял. Я сказала, что я хороший человек. И НИКОГДА не говорила, что я «незапятнанная» или «чистая».

На самом деле, хотя тебя это и не касается, я украла двадцать долларов у родителей, чтобы купить альбом Jonas Brothers, когда мне было одиннадцать.

Так что технически я преступница.

Так же технически твоя теория – мусор.

Кто сказал, что нельзя облажаться и при этом остаться хорошим человеком? К черту это мировоззрение «ты хороши настолько, насколько хороша худшая вещь, которую ты когда-либо делал». Как насчет «ты плох настолько, насколько тебе не хватает совести»?

Все не заканчивается на том, что кто-то облажался. В жизни есть нечто большее, чем это. Не все черное и белое. Иногда есть и серый. Сбивающий с толку, необидительный серый цвет. И в конце концов все сводится к одному вопросу...

Жалеешь ли ты об этом?

Если ответ «да», то для тебя еще есть надежда. Это означает, что ты осознаешь неправильность своего поступка и можешь добиться большего. Ты можешь изме-

наться.

Ошибки людей не определяют их, Зак.

Их определяют решения, которые они принимают, двигаясь дальше.

Л.

P.S. какой самый худший поступок ТЫ когда-либо совершал?

P.S.2 Твоя теория все еще мусор.

Дорогая Л.!

И ЭТО ВСЕ?

КРАЖА ДВАДЦАТИ БАКСОВ?

ЭТО самое худшее, что ты когда-либо делала? Господи, мне стыдно за тебя. О, и отличную речь ты там выдала. Пять звезд. Чуть не прослезился.

Итак, хочешь знать, какие мои самые темные грехи? Можешь выдохнуть. Я отдаю ровно столько, сколько получаю, и твое жалкое подобие признания даже не компенсирует калорий, которые я сжигаю при написании этого.

Какая жалость. Я уже было собирался достать свой главный козырь и выдать тебе лучшее из лучшего (я говорю об офигительных историях), но теперь не уверен, что ты заслуживаешь такого счастья.

Так что приготовься, сердитая цыпочка.

Грядут признания уровня детского сада.

Худший поступок в моей жизни № 1: когда мне было десять, я случайно выбил передние зубы девочке футбольным мячом. Ее родители не могли себе позволить вставить их, поэтому она вызвала меня на разговор (надеясь, что мои родители начнут швыряться деньгами), а я все отрицал, как маленький засранец, которым я и был.

Она три года ходила без передних зубов, из-за чего ее сильно дразнили. До сих пор чувствую себя виноватым.

Худший поступок в моей жизни № 2: мы с другом угнали машину его отца до того, как получили права, и врезались на ней в столб. Мы испугались и отогнали машину в глушь, надеясь, что его отец заявит об угоне и никогда не узнает об этом. Короче говоря, машину нашли через два часа, и мы все лето бесплатно работали в его компании.

Спасибо дорожным камерам.

На сегодня хватит. Как я уже сказал, у меня есть ис-

тории гораздо более безумные, чем эти. К сожалению, ты не смогла доказать, что достойна их. Но, поскольку у меня хорошее настроение, я дам тебе еще один шанс. Расскажи мне что-нибудь безумное.

Тогда, может быть, я передумаю...

Зак

**P.S. Называть тебя «сердитой цыпочкой» уже надое-
ло. У тебя есть имя?**

Я складываю его письмо пополам и вынимаю из книги, а затем отрываю лист бумаги из своего блокнота, чтобы ответить. Библиотека уже десять минут как закрыта для посетителей. Десять минут, а я все еще здесь, «работаю» сверхурочно только для того, чтобы написать письмо совершенно незнакомому человеку.

У нас был настолько напряженный вечер – типичный для пятницы, – что у меня до сих пор не было возможности написать ответ. Я, должно быть, сошла с ума, потому что, составляя идеальный ответ, я поймала себя на том, что мне весело. Настоящее, неподдельное веселье. Этот Зак и в самом деле бросил мне вызов.

Закончив, я засовываю письмо обратно между двумя страницами и иду в шестой проход, чтобы спрятать книгу там, где и нашла. Надеюсь, мистер Тейт возьмет ее еще раз на следующей неделе. Как раз в тот момент, когда я запираю дверь, мой телефон вибрирует, оповещая о сообщении

от Дии.

Диа

Сегодня после игры мы тусуемся у Финна. Только свои. Что скажешь?

Одной рукой я отвечаю на сообщение, а другой похлопываю по карману в поисках ключей, пока иду к своей машине. Обычно в это время я уже на полпути к школе Эшли. Мама насадит мою голову на пику и повесит над камином, если моя сестра вернется домой поздно.

Авина

Ди, ты же знаешь, что не обязана меня всюду приглашать? Ты сама можешь пойти на вечеринку и увидеться со своим парнем.

Достаточно того, что она настояла, чтобы мы вместе пошли на сегодняшний баскетбольный матч. Последнее, чего я хочу, это чтобы она чувствовала себя обязанной таскать меня повсюду с собой, потому что мы лучшие подруги. Сейчас жизнь Дии изменилась, и я понимаю это, но я с радостью отклоню приглашение, сделанное из жалости.

Тут же от нее приходит ответ.

Диа

Во-первых, он не мой парень. Во-вторых, Финн хотел, чтобы я пригласила тебя (хотя я бы все равно это сделала).

Диа

И Тео спросил, придешь ли ты.

Диа

С сестрой, но все же.

Диа

Похоже, ты нравишься им все больше, Ви;)

Я не могу сдержать большую довольную ухмылку, растянувшуюся на моем лице. На этой неделе я и правда почувствовала, как изменились отношения между мной и ребятами.

Диа

Нуууу? Ты идешь? И если ты думаешь сказать «нет», то теперь есть новый способ произносить это слово.

Авина

И какой же?

Диа

ДА.

У меня вырывается смешок.

Авина

Я приду.

Диа

ПОБЕДА! Хочешь вместе собраться перед игрой?

Авина

Конечно. Буду у тебя, как только отвезу Эшли.

Мы победили.

Я не собираюсь лгать и притворяться, что провела лучшее время в своей жизни в этом зале, но сказать, что я не наслаждалась потными мускулистыми Ксавье, Финном и Тео, бегающими вокруг в черно-белых майках, тоже не могу.

Я никогда не ходила на игру и не видела Ксавье в действии. Я знала, что он хорош. Он не зря стал капитаном команды «Жеребцов», но я и не подозревала, что он настолько хорош.

Нет, не так. Я не знала, что он лучший.

И понимаете, что самое обидное? Это не требует от него больших усилий. Парень играет так, будто это у него в крови. Он провел маневр, который Диа назвала «слэм-данк»⁷, не моргнув и глазом. Можно подумать, что он начал играть еще в утробе матери или что-то в этом роде.

Финн – на втором месте. Не отстает и Тео, хотя видно, что он не относится к баскетболу так серьезно, как его друзья.

Я не знаю, что такого есть в Ксавье, что делает его на волосок быстрее и ловчее своих товарищей по команде. Может быть, дело в том, что он на добрый дюйм выше Финна – его

⁷ Бросок в корзину сверху.

рост составляет целых шесть футов три дюйма, но опять же, Тео точно такого же роста, как Ксавье, однако не он сделал победный бросок сегодня вечером.

Часы на моей приборной панели показывают 23:18, когда мы с Дией въезжаем на бесконечную подъездную дорожку Финна. Я не преувеличиваю – путь к его дому длиннее, чем взлетно-посадочная полоса долбаного аэропорта.

Мы опаздываем. Вечеринка началась в десять, но Дия и я вернулись к ней домой, чтобы потусоваться после того, как «Жеребцы» с блеском победили своих соперников. Мне пришлось спросить у мамы, могу ли я переночевать у Дии, и она неохотно согласилась дать своей девочке на побегушках выходной.

Но не раньше, чем позвонила родителям Дии, чтобы они сначала подтвердили мою историю. Гейтен и Дейв прикрыли меня, потому что технически это не было ложью – сегодня я ночую в доме Митчеллов. Просто я не сказала маме, что буду делать перед тем, как лечь спать.

– Серьезно? – Дия вздыхает, глядя на что-то в своем телефоне.

– Что? – я смотрю на нее, сидящую на пассажирском сиденье.

– Да уж, это не могло длиться вечно, – ворчит Дия, засовывая руку в сумочку, чтобы достать расческу и...

Стоп, что?

Какого хрена она пьет из расчески?

Не веря своим глазам, я нажимаю на тормоза, чтобы убедиться, что у меня нет галлюцинаций. Я думала, мне это прикидилось, но нет. Домашняя девочка действительно открыла донышко и начала пить прямо из расчески, как будто это абсолютно естественно.

Заметив вопрос в моих глазах, Диа начинает смеяться.

– Только что узнала, что мы проведем всю ночь с Бри. Черт возьми, прости, мне нужно выпить.

Я моргаю, глядя на нее, – в моем мозгу произошло короткое замыкание.

– Ты только что... пила из своей расчески?

Она смеется.

– Это скрытая фляжка, Ви. Не могу представить себя за рулем с бутылкой текилы в сумочке. Хочешь? – она подносит «расческу» ближе к моему лицу, но я отказываюсь, предавшись ностальгии, закрывшейся в мою грудь.

Еще в прошлом году мы с Дией даже не пробовали пиво, не говоря уже о крепком алкоголе, а теперь? Она пьет текилу, как воду. Наверное, я никогда по-настоящему не задумывалась о том, как сильно она изменилась с прошлого лета.

С тех пор, как встретила Финна.

Я не виню ее. Она имеет полное право хотеть жить своей жизнью и пробовать что-то новое, но раньше мы были близнецами, сестрами по духу. Диа всегда первая хвалила мое решение держаться подальше от алкоголя. После того как я нашла своего отца той ночью, я больше не могла переносить

этот запах.

Бурбон.

Это все, что я чувствовала, пока плакала у него на коленях. Может ли это быть как-то связано с моим обетом трезвости? Мой психотерапевт определенно так и думает: во всем виноват мой мозг, который связывает запах выпивки с худшей ночью в моей жизни.

– Подожди. Мы проведем ночь с Бри? – спрашиваю я.

Диа кивает:

– Я видела в сторис Лейси, как они с Ксавом сосались в джакузи. Похоже, они снова вместе.

Меня передергивает, и я паркуюсь рядом с фонтаном.

Особняк Финна квадратной формы стоит на вершине холма, щеголяя огромными окнами первого и второго этажей, тремя гаражами и одной из тех нелепых круговых подъездных дорожек, на которых не нужно разворачиваться. Ведь всем известно, что богатые никогда не едут назад. *Только вперед.*

Подумать только, именно здесь все началось для Финна и Дии. Я не могу перестать задаваться вопросом, была бы моя лучшая подруга такой же застенчивой, выступающей против алкоголя девственницей, которую я знала, если бы она не переступила порог этой двери прошлым летом.

– Они на заднем дворе. Пойдем, – Диа жестом призывает меня следовать за ней, обходя вокруг дома. Мой желудок скручивается в тугой узел. Почему я так нервничаю? Это из-

за Бри? Я боюсь ее едких комментариев?

Нет, дело не в этом.

Я уже смирилась с тем, что меня ждет неприятный вечер. Тогда отчего у меня внутри пустота?

И тут до меня доходит.

Это место.

Дом Финна.

У отчетливо помню его задний двор. Идеально подстриженные живые изгороди, бассейн со стеклянными стенками и кошмарный батут – я чуть не сломала лодыжку, упав с него, когда мне было восемь. Это произошло за несколько дней до того, как установили защитную сетку.

Да, вот это мне повезло.

Последний раз я была здесь десять лет назад. Когда мама Финна была еще жива. Когда был жив мой отец. Теперь все по-другому. Ну, за исключением самого двора. Он ничуть не изменился, точно такой же, как и десять лет назад.

Мое сердцебиение учащается, когда вся компания появляется в поле зрения.

Какая-то часть меня ожидала, что это сборище перерастет в буйную вечеринку – «Жеребцы» только что выиграли третью игру подряд, но Финн остался верен своему слову. Я вижу здесь только Ксавье, Тео, Аксея, Лейси и Бри. Они вшестером расположились на батуте Финна, смеются, пьют, передают друг другу косяк. Чем ближе мы подходим, тем очевиднее становится, что крутые ребята школы Истон-Хай об-

долбались до чертиков.

– Дамы, вы как раз вовремя, – язвит Аксель при виде нас. Его комментарий привлекает к нам внимание всех присутствующих, за исключением Бри и Лейси. Девушки слишком заняты тем, что шепчут что-то друг другу на ушко и хихикают без всякой причины.

Финн прикусывает внутреннюю сторону щеки, как только видит Дию, и, не теряя времени, встречает нас у бассейна. Сначала я думаю, может, он злится на нее. Но потом понимаю, что ошиблась.

Это не гнев я вижу в его глазах.

Это желание.

Плотское, страстное желание.

Финн останавливается в дюйме от нее, наклоняется вперед, чтобы прошептать что-то ей на ухо, и Дия тяжело сглатывает. Судя по тому, как он отстраняется и выжидающе смотрит на нее, он задал вопрос. Покраснев, моя лучшая подруга бросает смущенный взгляд в мою сторону.

– Иди, – ухмыляясь, говорю я.

Диа благодарно улыбается и кивает своему почти бойфренду, который, не теряя ни секунды, хватает ее за руку и направляется к своему дому.

– Охренеть как незаметно! – кричит Ксавье, а Тео и Аксель фыркают от смеха. Даже я не могу сдержать улыбку. Что касается Бри и Лейси, они все еще слишком обкурены, чтобы как-то отреагировать.

– Я и не пытался! – орет в ответ Финн.

– Эй, придурок! – зовет его Ксавье.

Финн через плечо оглядывается на лучшего друга.

– Не делай как Тео. Используй защиту.

Финн ухмыляется и исчезает в доме вместе с Диа. Я бросаю взгляд на Тео, который сидит справа от Ксавье, и жду от него какой-нибудь ответочки. Тео выбирает старый добрый палец, показав фак Ксавье, прежде чем затянуться косяком, который он держит в руке. Знайте, Теодор Кокс тупо под кайфом, когда не утруждает себя спорами.

Наступает тишина, и я начинаю осознавать неловкость ситуации, в которой оказалась. Я наедине с кучей качков, от одного из которых у меня учащается пульс, что мне не очень-то нравится, и двумя чирлидершами, которые смеются над одной и той же шуткой уже пять минут подряд.

И я даже не могу обижаться на Дию. Может, она и оставила меня наедине с ними меньше чем через пять секунд после того, как мы пришли сюда, но она влюблена.

– Чего ты ждешь, детка? Залезай сюда, – Аксель похлопывает по месту рядом с собой на батуте, и я так сильно сжимаюсь от этого прозвища, что мне становится физически больно. Я робко пробираюсь к батуту и заползаю внутрь через дверь с защитной сеткой, но сталкиваюсь с дилеммой...

Где мне сесть?

Я обшариваю глазами представшую передо мной картину. Повсюду разбросаны вещи – упаковки пива, баскетбольные

куртки парней, сумочки Бри и Лейси, – остается только одно место рядом с жутким Акселем, который смотрит на меня со злобной ухмылкой и явным ожиданием.

Через. Мой. Гребаный. Труп.

Я снова осматриваюсь в отчаянной попытке найти другое место и случайно встречаюсь взглядом с Ксавье.

Его глаза не красные и не маленькие.

На самом деле он совсем не выглядит обкуренным.

Думаю, сегодня он отказался от косяка. Его светло-каштановые волосы – влажный сексуальный беспорядок после горячей ванны, и я проклиная реакцию своего тела на его привлекательную внешность. Ради всего святого, я практически чувствую, как расширяются мои зрачки.

Ксавье молча выдерживает мой взгляд.

Потом двигает ногой.

Совсем немного, но это действие освобождает место рядом с ним.

Неужели он только что...

Я не позволяю себе дважды подумать о том, как грубо он обошелся со мной у Тео, плюхаюсь рядом с ним и мысленно кричу Вселенной: «Ты что, издеваешься надо мной?», когда ветер ударяет мне в лицо запахом его одеколona.

Срочная новость: Ксавье Эмери хорошо пахнет.

Ну конечно.

Пошел ты, ветер.

– Вы, киски, играть собираетесь или как? – Аксель достает

из кармана колоду карт.

– Господи, Флетчер, ты опять за свое? – огрызается Ксавье. – Может, хватит уже? Мы не будем играть в «Дуй и Вса-сывай».

– Почему, черт возьми, нет? Нас трое и их трое, – Аксель указывает на вялых Бри и Лейси. – Что еще нам остается делать, пока Финн и Диа сбиваются с пути истинного.

– Я буду играть, – Лейси решает вернуться в мир живых. Я понимаю, что к чему, когда она бросает нескромный взгляд на свою давнюю любовь.

Тео сидит слева от нее, совершенно обдолбанный и явно более заинтересованный в косяке в своей руке, чем в разговоре, происходящем вокруг него. О. Если бы мы играли, Лейси должна была бы передать ему карту.

Своим ртом.

Сказано достаточно.

– Я тоже, – Бри садится. – Эта вечеринка отстой.

– Это не вечеринка, королева выпускного, – насмехается Тео.

– Неважно, – хмыкает Бри.

– Кокс, ты играешь? – спрашивает Аксель.

Тео фыркает:

– Не в этой жизни.

Я пялюсь на него. С прищуренными, налитыми кровью зелеными глазами и взъерошенными темными волосами парень выглядит более укуренным, чем Бри и Лейси, вместе

взятые.

– Что? Но ты должен сыграть, – надувает губки Лейси.

– Слишком очевидно, Лейс, – усмехается себе под нос Ксавье, его голос такой низкий и хриплый, что никто, кроме меня, его не слышит. Я прикусываю губу, чтобы не улыбнуться его замечанию.

– Только один раунд, ради меня. Пожалуйста. – Лейси хлопает ресницами, глядя на Тео в стиле «я сделаю так, что ты не пожалеешь», и он вздыхает.

– Один. И все, – сдается он.

– Ксав? – Бри поворачивается к своему парню.

– Да пофиг, – бурчит Ксавье, почти не слушая, и пинает Тео ногой, чтобы привлечь его внимание. – Дай сюда, – он протягивает руку, и Тео передает ему косяк.

Я полагаю, что ошиблась на его счет, пока Ксавье, отложив алкоголь и облизнув кончики пальцев, не гасит косяк без предупреждения.

– Какого хрена? – кричит Тео, но Ксавье уже раздавил самкрутку ботинком.

– Ты в одной затяжке от того, чтобы спутать Лейси со своей правой рукой. Поблагодаришь меня позже, – безапелляционно заявляет Ксавье, и все смеются.

Тео раздраженно выдыхает:

– Да пошел ты, чувак.

Аксель приказывает Лейси сесть между Тео и Ксавьером, чтобы мальчикам не пришлось «вдувать и отсасывать» друг

другу – да, я знаю, как грязно это звучит, – и завершает это словами:

– Все знают правила?

– Вообще-то я никогда не играла, – заговорила я впервые с тех пор, как присоединилась к ним.

Это сигнал для Бри.

– Уф. Забыла, что она здесь. Как твоя сестра, Ви? По-прежнему лучше тебя буквально во всем? – хихикает чирлидерша.

Я хотела бы найти идеальный ответ, чтобы заткнуть ее выплевывающий яд рот, но все, что могу сделать, это сидеть и терпеть. Позволить ей пройтись по мне. Конечно, плюнь мне в лицо.

В этом вся моя гребаная жизнь.

– О, прости, где мои манеры. Тебе здесь не слишком светло? Мы можем выключить свет во внутреннем дворике, если хочешь. Ты, наверное, привыкла к темноте. Ну ты знаешь, жить в тени сестры, – добавляет Бри.

Обычно мне абсолютно насрать на ее комментарии, но прямо сейчас мне кажется, что она дергает за те немногие ниточки, которые все еще помогают мне держаться. Одно дело – говорить себе, что ты изгой в семье, и другое – позволять профессиональной задире играть на твоих слабостях и использовать их против тебя.

– А что насчет дорогой мамочки? Она уже отправила тебя на возврат...

– Ой, пошла ты, Бри.

Мы все перестаем дышать, обмениваясь взглядами, которые, по сути, говорят: «Что. Это. Было?»

И тут меня осеняет.

Ксавье.

Это был Ксавье.

– Прости, что? – выплевывает Бри.

– Я что, невнятно выразился? Прекрати говорить ей всякое дерьмо.

Я в шоке моргаю, глядя на тирана своего детства. *Неужели я только что перенеслась в параллельную вселенную, где Ксавье Эмери – хороший человек?*

Тем временем Бри пристально смотрит на меня.

Не на своего парня, который только что поставил ее на место.

На меня.

Как будто это я во всем виновата.

– Какого хрена ты ее защищаешь? – шипит она.

– Диа теперь одна из нас, а значит, и она тоже. Конец истории.

Мгновение тишины.

Я ошеломлена благородством Ксавье.

– Мы, блин, играем или нет? – огрызается Бри, ее блестящие красные губы кривятся от ярости, когда она откидывается на защитную сетку.

– Ви все еще не знает правил, – замечает Тео.

– Точно, – Аксель поворачивается ко мне. – Все просто. Ты втягиваешь воздух, чтобы карта прилипла к твоим губам, а потом, дуя, передаешь тому, кто сидит рядом. Звучит неплохо, детка?

– А если мы уроним карточку? – я не обращаю внимания на его заигрывания.

– И ты, и тот, кто рядом с тобой, пьете, затем вы отрываете часть карты, чтобы было больше взаимодействий губами. Готова?

Есть две вещи, которые я хочу сказать в этот момент.

Во-первых, я не пью и не собираюсь начинать какую-то идиотскую игру с выпивкой. Во-вторых, у меня может случиться сердечный приступ от одной мысли приблизиться к губам Ксавье. Но ничего из этого я не могу им сказать.

Поэтому просто киваю.

И молю Бога, чтобы не уронить карту.

– Я начну, – вызывается Лейси – интересно почему, блин. Аксель бросает ей колоду карт. Через мгновение она передает карту Тео и «случайно» роняет ее, как только их губы соприкасаются.

Остальные смеются, когда Лейси приступает к поцелую. Тео не отвергает, но и не тянется к ее губам. Просто позволяет ей на короткое мгновение поцеловать себя, а затем отстраняется и залпом выпивает пиво, что, собственно, и должно было произойти по этому сценарию.

Не думайте, что я не замечаю разочарования, промельк-

нувшего во взгляде Лейси.

Мне жаль ее.

Она отчаянно хочет возродить что-то между ними, но Тео видит в ней только угрозу беременности. Он отрывает кусок от карты, и мое беспокойство усиливается. Если к тому времени, как она дойдет до меня, от карты почти ничего не останется и мне придется полупоцеловать Ксавье – я умру на месте.

Тео без проблем передает карточку Бри, и она поворачивается к Акселю, чтобы сделать то же самое. Вот только в последнюю секунду она роняет карточку и вместо этого начинает вовсю сосаться с ним.

Она наказывает Ксавье.

У меня нет ни малейших сомнений. Она пытается сделать ему больно за то, что он защитил меня. И она не стесняется этого. Она берет Акселя за волосы и набрасывается на него. Тот даже не сопротивляется, мгновенно целуя ее в ответ. Все эти языки, зубы, фальшивые стоны Бри – я не выдержу это зрелище.

Мое внимание переключается на Ксавье.

Он даже бровью не повел на то, что девушка ему изменяет. Со стороны не кажется, будто он ревнует, обижается или злится. На самом деле если бы я не знала его лучше, то сказала бы, что он равнодушен. Разве Диа не говорила, что они снова вместе?

Почему ему плевать?

Бри искоса смотрит на него, чтобы уловить реакцию, быстро понимает, что не попала в цель, и отталкивает Аксель от себя. Ее губы распухли, помада размазалась. А Аксель? Он в шоке.

– Ксав, братан, я... – Аксель понимает, насколько это неловко.

– Все нормально, чувак, – Ксавье пожимает плечами. – Она легкая добыча⁸.

Так... они все-таки не сошлись?

Аксель не настаивает и делает глоток пива, как того требуют правила. Бри следует его примеру, в ее глазах стоят слезы ярости из-за неудачной манипуляции. Алекс снова рвет карту, и у меня сводит живот.

Я следующая.

Мне плевать, что Аксель передаст мне карту. Особенно учитывая то, что он только что сделал. Аксель даже не будет пытаться что-то выкинуть после того, как буквально съел лицо Бри на глазах у ее бывшего. Но тогда почему...

Почему я так нервничаю из-за того, что должна буду передать ее Ксавье?

Я делаю вдох и на дуюм приближаюсь к Акселю, который перекладывает карту из своего рта в мой. Она теперь настолько маленькая, что наши губы не могут не соприкоснуться в процессе, и дрожь отвращения пробегает по моему

⁸ Игра слов: She's fair game: прямое значение – «честная игра». Переносное – «легкая добыча».

телу.

Вот тогда я поворачиваюсь к Ксавьеру.

И вдруг во всей Вселенной не хватает воздуха.

Его глаза.

Один взгляд, и я снова прячусь под горкой, плачу навзрыд вместе с маленьким мальчиком, который украл мой первый поцелуй.

Ви, это просто дурацкая игра, забей!

Ни капли не смущенный, в отличие от меня, Ксавье наклоняется ближе.

И еще ближе.

И ближе...

– Мне нужно в туалет, – выплевываю я.

Затем бегу в дом.

После этого я минут тридцать сижу в ванной Финна. И, прежде чем вы спросите, *нет*, я не собираюсь сидеть здесь целую вечность. Я просто не могу представить, как показаться снаружи после своего побега. По крайней мере, без Дии. Той самой, которая даже не ответила ни на одно из миллиона моих сообщений с вопросом, будет ли она злиться на меня

за то, что я смылась.

Технически я давным-давно могла бы уйти. Я приехала сюда на своей машине, но мне еще нужно отвезти Дию домой и переночевать у нее. Это единственная причина, по которой я сейчас не в постели. Зато через открытое окно в ванной было слышно, что компания оставила мое бегство без внимания. Они продолжали играть, препираться, смеяться, ни на секунду не задумываясь о моем исчезновении.

Это заставило меня понять, что мой побег, вероятно, выглядел гораздо более унижительным в моей голове, чем в реальной жизни. Для них меня просто охватило сильное желание пописать, и все. У них нет ни малейшего представления о том, о чем я думала в тот момент. И, если быть честной...

Даже я не понимаю, о чем думала.

Я всегда знала, что меня влечет к Ксавье Эмери – вступай в гребаный клуб, – но и не предполагала, что настолько сильно, что я убегу при одной только мысли о том, чтобы поцеловать его. Я не понимаю, какое влияние он оказывает на меня, именно поэтому у меня есть только один вариант: держаться от него подальше, пока мы не уедем в колледж и никогда больше не увидимся.

Достаточно просто, правда? Я вздыхаю с облегчением, когда на моем телефоне высвечивается сообщение от Дии.

Диа

Мне нужно убираться отсюда.

Диа

Жди меня у двери.

Мой радар лучшей подружки мгновенно срабатывает, однако в голове раздаётся оглушительный вой сирены. Что-то не так.

Авина

Все в порядке?

Нет ответа.

Я быстро следую ее указаниям и на цыпочках выхожу из ванной. Сомневаюсь, что она уже там, но я не против подождать ее. До тех пор, пока я не столкнусь с Ксав...

– Так вот где ты пряталась?

Ты, блин, издеваешься надо мной?

Он прямо здесь.

Прислонился к кухонному острову, руки сложены на груди, бледные глаза устремлены на меня. Как я могла его не заметить?

– Я... я не пряталась, – заикаюсь я.

Он смотрит на дверь ванной, сдерживая ухмылку.

Боже мой.

Звучит так, будто я все это время срала, так ведь?

Стоп.

Блин.

Надо что-то сказать.

Я откашливаюсь:

– Что ты здесь делаешь? Ищешь плечо, чтобы поплакать? Ксавье выгибает бровь.

– С чего ты взяла, что мне это нужно?

– Блин, ну не знаю, может, потому, что твоя девушка только что целовалась с другим парнем у тебя на глазах? Прости, что подумала, будто тебе не все равно. Больше не буду спрашивать.

– А почему вообще спросила? Ты беспокоилась обо мне, Харпер? – усмехается он, дьявольская улыбка играет на его губах. – Или ты надеялась, что станешь для меня плечом, на котором можно поплакать?

– Я скорее подожгу себя, – отвечаю я с каменным лицом.

– Ты уверена? Позиция все еще вакантна, – поддразнивает он, отталкиваясь от кухонного острова и направляясь ко мне.

Он... флиртует со мной?

Нет, не глупи, Ви.

Ему просто скучно.

– Определенно, – отступаю я, не позволяя его чарам подействовать на меня.

– Эх, это даже к лучшему, – заключает он. – Наверняка мне должно быть очень грустно, чтобы нуждаться в твоём плече.

– А тебе не грустно?

– С чего бы это? Мы не встречаемся.

– Зачем приглашать ее сюда, если вы не встречаетесь?

Он потирает затылок.

– Да хрен его знает. Момент слабости, наверное? Она была такой настойчивой, что я пообещал ей подумать о том, чтобы попробовать еще раз, если сегодня вечером все будет хорошо. И, ну... мы все знаем, *чем* это закончилось.

У меня такое чувство, что выходка Бри с Акселем подвела черту. Он не примет ее жалкую задницу обратно в ближайшее время.

– Так ты действительно покончил с ней?

Он усмехается.

– Я не собираюсь снова встречаться с ней, если это то, что тебе интересно.

Несколько секунд никто из нас не произносит ни слова.

– А что насчет тебя, малышка Ви? У тебя есть кто-нибудь? – спрашивает он.

Я делаю паузу.

– Нет.

Он расплывается в улыбке.

– Я это видел.

– Что?

– Ты колебалась.

– Нет, – бурчу я.

Ладно, может, и колебалась. Я ненавижу себя за это, но первый человек, который пришел мне на ум, – этот идиот Зак.

– Ложь. Кто этот парень? Я его знаю?

Черт, даже я не знаю его.

Он просто злой незнакомец, который пишет мне письма. Мы ни за что не встретимся, и он мне определенно не нравится, но он единственный парень, с которым я общалась в последнее время.

– Ты не знаешь его, потому что его не существует, – я запрыгиваю на один из табуретов у кухонного островка. – Если ты не заметил, парни не ломятся ко мне в дверь.

– Ну да, это потому, что к тебе трудно подойти, – упираясь предплечьями в стойку, говорит Ксавье так, словно это очевидно.

– Прости, что? – я в шоке.

– Ты слышала меня. Ты пугаешь до усрачки.

– Чего? – я ошеломлена его прямоотой. – Это неправда. Я очень дружелюбная.

Он фыркает.

– Ну конечно, это так.

– Отлично. Тогда просвети меня, – я поднимаюсь со своего табурета. – Чем я пугаю?

Если мистер Популярность знает, почему я всю жизнь отталкивала мальчиков, можете не сомневаться, я заставлю его рассказать мне.

– Ты правда хочешь знать? – он выдерживает паузу.

– Да, – я начинаю нервничать. – Выкладывай.

– Ну, для начала... большинство парней нашего возраста не хотят встречаться, – уточняет Ксавье. – Они просто хотят трахаться. А те, кто хочет встречаться, ищут девушку только

для того, чтобы хорошо себя чувствовать.

– То есть?

– То есть они хотят, чтобы она смеялась над их шутками, тешила их самолюбие, классно работала ртом и... в общем, все, – он заставляет меня слегка улыбнуться. – Поэтому, когда такие парни видят девушку вроде *тебя*, девушку, которая не выглядит доступной или отчаявшейся, они пугаются. Навешивают на нее ярлык «требуется высококлассного обслуживания» и бегут, как черт от ладана. Ты красавица и умница, Ви. Ты – худший кошмар незрелого старшеклассника.

Я не могу произнести ни слова. Я ожидала чего-то вроде: «Ты такая замкнутая» или «Ты мало улыбаешься», но это? Ничего, абсолютно *ничего* не подготовило меня к этому.

– Эй, но это просто мое мнение, – он отталкивается от стойки.

Жар разливается по моим щекам. Я делаю глубокий вдох, сокращая дистанцию между нами – не спрашивайте, откуда у меня такая смелость, я понятия не имею. Мы не так уж и близко друг к другу, но я чувствую, как гудит каждый нерв в моем теле.

– А ты? – спрашиваю я, удивляясь самой себе.

Я делаю еще один шаг вперед и, кажется, вижу, как у него перехватывает горло.

– Что я? – спрашивает он, его голос немного хриплый.

– Тебя я тоже пугаю?

Я не дышу, пока он смотрит на мое лицо несколько долгих

секунд. Он словно пытается решить, отвечать мне или нет.

Наконец он определяется.

– Так всегда было, Ви.

Пульс, мать твою, помедленнее.

– Я...

– Диа, подожди! – в следующую секунду полный паники голос Финна доносится со второго этажа. Сердце уходит в пятки.

Это не к добру.

В следующий момент в кухню врывается моя лучшая подруга. Ее заплаканные глаза горят от ярости, а загорелые щеки испачканы тушью. Некогда идеально уложенные локоны теперь представляют собой дикий, спутанный беспорядок. Они определенно не играли там в «крестики-нолики».

– Ви. Машина. Сейчас же! – приказывает Диа.

Сбитая с толку, я бросаю взгляд на Ксавье, который, кажется, так же, как и я, ничего не понимает. Я подбегаю к Даймонд. Мы вылетаем из дома с Финном на хвосте, и я понимаю, что Диа не шутит, когда она бросается к моей машине. Можете не сомневаться, если моя лучшая подруга убегает от парня, я тоже побегу.

– Диа! – кричит Финн, преследуя нас. В его голосе столько отчаяния, что мне почти жаль его.

Я дистанционно открываю двери, и Диа торопливо забирается на пассажирское сиденье. Я сажусь секундой позже, вставляю ключ в замок зажигания и запираю двери. Диа

больше не может сдерживаться.

– Забери меня отсюда, – она захлебывается рыданиями, плачет так сильно, что едва может дышать, и я подумываю о том, чтобы сбить Финна за то, что он с ней сделал. Пока он буквально не бросается на мою машину и я не понимаю, что буду ужасно выглядеть в тюремном комбинезоне.

– Диа, пожалуйста, – он смотрит прямо на нее через приборную панель. Мое окно приоткрыто, что позволяет нам слышать его громко и четко. – Блин, не делай этого. Просто выслушай меня.

– Поехали, – умоляет она, и я включаю заднюю передачу, надеясь, что не врежусь в золотой фонтан или какую-нибудь другую дорожную хрень по дороге. Но Финн не растерялся. Машина не успевает проехать и дюйма, как он бросается к окну пассажирского сиденья и бьет ладонью по стеклу.

– Диа, посмотри на меня. Просто, блин, посмотри на меня. Пожалуйста.

Он умоляет ее обратить на него внимание, но она не желает видеть его, закрывая лицо, словно всемирно известная поп-звезда, отказывающаяся папарацци в фотографии. Острая челюсть Финна сжимается от боли, его темно-каштановые волосы падают на разрушительные светло-карие глаза. Признаю, Финли Ричардс выглядит хорошо.

Как и Ксавье.

Как и Тео.

Но... когда он вот-вот заплачет, его обаяние становится

почти разрушительным. Повторяю, Финн Ричардс, парень, у которого, как я считала долгие годы, вместо сердца кусок льда, вот-вот заплачет.

Настоящими слезами.

Настоящими. Человеческими. Слезами.

У Дии волшебная киска или что?

Как, мать вашу, она это сделала?

– Даймонд, я люблю тебя, – хрипит он.

Только тогда она смотрит на него. Судя по шоку в ее глазах, Финн впервые говорит ей это. И это определенно не тот момент, свидетелем которого я должна была быть.

– Я чертовски люблю тебя, Диа. Правда. Просто дай мне шанс все объяснить. Просто... *Пожалуйста.*

Она не издает ни звука, в ее остекленевших глазах мелькает сомнение, и она вытирает рукавом мокрые от слез щеки. Он выглядит таким прекрасно-поверженным, стоя там и умоляя ее со слезами на глазах, что я почти уверена: она передумает.

Черт, я бы передумала.

Пока она не кричит во всю мощь своих легких:

– Скажи это своей шлюхе!

Тогда я понимаю, что у нее есть все причины не принимать его обратно. Никогда. И я скорее рискну убить Финна, чем заставлю Дию выносить это еще хоть секунду.

Я закрываю глаза, сжимаю руль так крепко, что костяшки пальцев ноют от боли, и давлю на газ. Если Финн хочет жить,

он уйдет с дороги. К счастью, он так и делает. И пока я мчусь прочь от особняка с убитой горем лучшей подругой на пассажирском сиденье, я размышляю о том, как ошибалась.

В конце концов, может, Ксавье не Большой и Страшный Серый Волк...

Дорогой Зак!

Пошел ты.

Эта кража двадцати долларов преследовала меня большую часть шестого класса! Я думала, что в любой момент ко мне домой заявится полиция и отправит в детскую колонию.

Я на 99 процентов уверена, что пожалею об этом, но ты заинтриговал меня разговорами о «более безумных историях», так что я приму твое предложение. Моя безумная история в обмен на твою.

Игра началась.

Когда мне было четырнадцать, я случайно включила домашнее порно, пока нянчила маленькую девочку. Семья не особо пользовалась технологиями, поэтому у них был только видеомагнитофон с одним диснеевским фильмом на кассете, которая перестала работать прямо в начале моей

смены. Ребенок закатил такую истерику, что я запаниковала и стала *ПОВСЮДУ* искать другой фильм.

Я чуть не расплакалась от радости, когда нашла «Русалочку».

Только на самом деле она называлась «Давалочка»⁹.

А персонажами были ее родители.

Слава богу, я выключила ее до того, как девочка что-то увидела.

(Мне все еще мерещится волосатая задница ее отца всякий раз, когда я закрываю глаза.)

Теперь я заслуживаю одну из хороших историй?

Вот что, если твоя следующая история будет ПО-НАСТОЯЩЕМУ хорошей, я скажу тебе свое имя (фальшивое, конечно, не хотелось бы, чтобы ты узнал, кто я...).

Л.

Дорогая Л.!

Скажу даже больше, твоя история была достойной.

⁹ Игра слов. В оригинале название мультфильма Little Mermaid переделали в Spermaid.

Да, я только что сделал тебе комплимент. И нет, я не под наркотиками. Похоже, теперь я должен тебе признание?

Мне отчаянно нужна была машина после того, как я за год до этого разбил свою (не спрашивай), поэтому я взял партию пирожных, которые только что испекла моя мама, и продал их по 30 долларов за штуку на вечеринке по случаю дня рождения моего лучшего друга. Никто никогда не спрашивал, есть ли в них травка. Они сами решили, что была.

Подсказка: нет.

В итоге я заработал \$1000 за полчаса.

Поправь меня, если я ошибаюсь, но думаю, что эта история дает мне право узнать твое имя – твое вымышленное имя, но все же. Не то чтобы я когда-нибудь пытался выяснить, кто ты такая (ты можешь себе представить, какой это будет гребаный ужас, если выяснится, что мы знаем друг друга?).

Твой ход, злая девчонка.

Зак

Дорогой Зак!

Не могу дождаться, когда расскажу тебе, что означает «Л.», чтобы ты перестал называть меня этим ужасным прозвищем. Сколько раз я должна тебе повторять? Я НЕ злая девчонка.

Если уж на то пошло, тебе следует называть меня «тихой девчонкой» или «пассивно-агрессивной девчонкой». А еще лучше «”ты даже никогда не поймешь, что я злюсь” девчонкой». Ты все правильно понял с первого раза. Когда жизнь отстой, я молчу и принимаю это... Стоп, это прозвучало не так лестно, как я думала.

Кхм, давай просто перейдем прямо к истории, ладно?

Иногда я намеренно прячу телефон своей лучшей подруги, когда бываю у нее дома (например, кладу его в свою сумку или под матрас), чтобы ее не могли куда-нибудь пригласить и нарушить наши планы на ночь. Дело не в том, что я не хочу, чтобы она развлекалась, просто раньше мы прекрасно проводили время вдвоем, а теперь она помешана на вечеринках и мальчиках.

Знаю-знаю. Это признание было довольно банальным. Но не со всеми случаются сумасшедшие вещи. Моя жизнь, на-

пример, очень скучная. К тому же я не могу рассказать тебе слишком много, иначе ты в конце концов догадаешься, кто я такая.

Давай сравняем счет.

В следующий раз ты расскажешь мне скучную историю.

Лав

P.S. Я тут подумала, почему бы нам не заключить сделку? Никто из нас НИКОГДА не будет пытаться выяснить, с кем разговаривает. И мы никому не расскажем об этих письмах.

P.S.2 С учетом сказанного я хотела бы убедиться, что не разговариваю с 13-летним мальчиком. Сколько тебе лет?

Дорогая Лав!

Хорошее имя. Немного пошловатое, но я могу с этим смириться. И, черт возьми, ты права. Я даже не подумал об этом. Я учусь в выпускном классе в Истоне. А ты?

Ты же не притворяешься, что ты старше, хотя на самом деле тебе двенадцать?

Насчет того, что ты сказала, – ты не права. Твоя

жизнь не скучная. Просто ты не рассказываешь мне ничего такого (я говорю о темном, извращенном дерьме). И я даже не могу винить тебя за это. Я сам едва коснулся поверхности. Пришло время мне сделать настоящее признание, как думаешь?

Мое настоящее признание: я только что узнал, что мой лучший друг трахнул мою бывшую девушку. И знаешь, что самое ужасное? Мне все равно. Я понимаю, что должен злиться или желать выбить из него все дерьмо, но я даже не потрудился сказать ему, что я в курсе.

Я тоже не идеален, а у него и так много чего происходит (ему всегда хватало собственных демонов). Если бы ты знала его предысторию, тогда бы тоже не стала осуждать его.

Не уверен, что я когда-нибудь расскажу ему, потому что ценю нашу дружбу намного больше, чем любой момент, проведенный со своей бывшей.

Это достаточно реально для тебя, Эл?

Просто чтобы ты знала: я буду ждать признания с таким же уровнем дерьма, спасибо.

Зак

P.S. Я согласен на сделку об анонимности. Опять же, я бы никогда не стал выяснять, кто ты такая, но если это позволит тебе спокойно спать по ночам, то мы договорились.

Дорогая Лав!

Куда ты пропала?

Мое последнее признание отпугнуло тебя?

Или дело в том, что я раскусил тебя и ты на самом деле тринадцатилетняя самозванка? Я искренне надеюсь, что ответ на оба эти вопроса – нет.

Я совру, если скажу, что не был расстроен отсутствием ответа от тебя сегодня. Не зазнавайся, но в последнее время я с нетерпением жду твоих писем. Они как маленький приятный отрыв от реальности.

Написать тебе позже?

Зак

Дорогой Зак!

Не можешь жить без меня, да?

В среду школа была закрыта, помнишь? Из-за какого-то праздника.

Поэтому я не смогла добраться до книги. Хотя, должна сказать, мне доставляет огромное удовольствие наблюдать, как ты ведешь себя словно нуждающаяся девочка-подросток. Отвечая на твой вопрос: нет, мне не двенадцать. Я тоже в выпускном классе.

Ты понимаешь, что есть большая вероятность того, что мы сталкивались друг с другом хотя бы раз в этом году? Не исключено, что мы пересекаемся каждый день.
Вздох

От твоего последнего признания у меня так сильно отвисла челюсть, что мне пришлось поднимать ее с пола и приклеивать обратно. Удивлена, что ты доверил мне такой большой секрет, однако восхищаюсь твоей смелостью.

Возможно, я даже отплачу тебе тем же, если пообещаешь, что останешься со мной после следующего письма.

И после еще одного.

И того, что будет за ним.

(Теперь моя очередь быть нуждающейся).

Твой нервный мини-срыв заставил меня понять, что у этой затеи с друзьями по переписке есть срок годности, и я бы предпочла не раскрываться перед кем-то, кто может перестать отвечать в любой момент.

Итак, скажи мне, Зи, ты собираешься прекращать это?

Лав

9

Авина

Дорогая Лав!

Это невероятно иронично, что ты спрашиваешь меня, сколько еще это будет продолжаться... Потому что ты угадала, это мое последнее письмо.

Все было по-настоящему, Эл, но я больше не смогу отвечать тебе через книгу. Я бы сказал тебе почему, но это вроде как разрушит цель нашего договора об анонимности.

Должен признать, две недели назад я бы сделал все, чтобы никогда больше не видеть эту чертову книгу, но сейчас... Я уже не так уверен. Ты оживила умопомрачительно скучные моменты, злая девчонка.

Спасибо.

– И это все? – кричу я, становясь причиной сразу двух сердечных приступов. Две женщины средних лет, читающие у шестого прохода, подпрыгивают на дюйм в воздухе. Одна из них хватается за грудь, в то время как ее подруга смотрит на меня, неодобрительно сдвинув брови.

– Извините, – одними губами произношу я.

Они имеют полное право злиться. В том, что я, библиотекарь, самая шумная здесь, есть своя ирония, но я просто не смогла сдержаться. Вы хотите сказать, что я думала об ответе Зака все выходные, металась и ворочалась, с нетерпением ожидая смены в понедельник, ради этого?

Серьезно? Это все, что он мог сделать? Он даже не под-

писал свое имя, а оно состоит из трех букв. Не знаю, чего я ожидала. Это всегда должно было закончиться именно так. *Сама виновата, что ввязалась в это.*

Я вытаскиваю письмо из книги, готовая выбросить нашу последнюю переписку, когда мимолетное «а вдруг» приходит мне в голову. Что, если... есть еще что-то?

Это был бы не первый раз, когда он оставил что-то на обороте. Приказывая себе не слишком надеяться, я переворачиваю письмо и чувствую невероятное облегчение при виде знакомого почерка.

Здесь есть номер телефона.

Он бросает мне вызов:

Напиши мне, если хватит смелости.

Зак

– Мы когда-нибудь поговорим об этом? – я пристаю к Дие, когда мы идем по коридору на наш последний урок в этот день. Я ненавижу занятия физкультурой. Наш учитель, мистер Эмери, мягко говоря, далеко не восторг. Он из тех учителей, которые говорят девочкам, что их убийственные спазмы во время месячных – это сущий пустяк и им просто нужно смириться. Ксавье заслуживает гребаной награды за то,

что каждый день имеет дело с этим человеком.

– Диа? – я настаиваю, раздраженная отсутствием ответа.

– Что? – бурчит она, не отрывая глаз от своего телефона. Только небесам известно, кому из своих запасных парней она пишет на этот раз.

– Мы когда-нибудь поговорим о вашем расставании?

– Нельзя расстаться с тем, с кем ты никогда не встречался. – Она упускает из виду главное. Причем Диа такая с прошлой пятницы.

Замкнутая, пренебрежительная.

Она заперлась в башне отрицания, где ни одна душа не может до нее добраться. Диа ни словом не обмолвилась о Финне после того, как я чуть не переехала его своей машиной. Она не дала волю чувствам, не излила свою душу. Она просто плакала в моих объятиях. Всю ночь. Рыдала до тех пор, пока у нее не осталось ни сил, ни слез.

Она категорически отказывается говорить мне что-либо, кроме того, что Финн трахнул какую-то сучку. Она не говорит мне, кого, когда это произошло или как она узнала.

Все, что она сказала, – ей нужно двигаться дальше.

До сих пор Диа довольно хорошо притворялась, что с ней все в порядке, но знаете, кто ни хрена не умеет притворяться?

Финли Ричардс.

Он появился в доме Дии в субботу в 7 утра и вытащил нас из постели, умоляя ее выслушать его. Потребовались оба от-

ца Дии и ее старший брат Джесси, чтобы выгнать его с территории. Хотела бы я, чтобы это было шуткой.

С тех пор он не появлялся в школе.

Вот насколько все плохо.

Я бросаю взгляд на Дию, которая увлечена перепиской со своим сегодняшним парнем-игрушкой, и беру собственный телефон. Прокручиваю список контактов и нажимаю на номер, который добавила пять дней назад.

Номер Зака.

Всю неделю я смотрела на эти чертовы цифры, пытаюсь набраться смелости написать ему. Но я не могу заставить себя сделать это. Есть что-то довольно... личное в переписке по телефону.

Что-то более опасное.

Когда мы просто писали письма, можно было не думать о риске, но дать ему свой номер? Разве это буквально не умоляет его попытаться раскрыть мою личность? Что, если он начнет расспрашивать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.